

И-97

На правах рукописи

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ИМ. Р. АЧАРЯНА

Ишханян Рафик Аветисович

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯЗЫКА НОВОЙ АРМЯНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

/Специальность - 10.02.02 - языки народов СССР/

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Диссертация на армянском языке

Ереван - 1972

Работа выполнена на кафедре армянского языка Ереванского государственного университета.

Официальные оппоненты:

1. Член-корреспондент АН Арм.ССР Э.Б.АГАЯН
2. Член-корреспондент АН Арм.ССР Г.Б.ДЖАУКЯН
3. Доктор филологических наук В.Д.АРАКЕЛЯН

Ведущее высшее учебное заведение: Армянский государственный педагогический институт им. Х.Абовяна.

Автореферат разослан "4" ноября 1972 г.

Защита диссертации состоится 12 декабря 1972 г. на заседании ученого совета по присуждению ученых степеней по языковедению Института языка им. Р.Ачаряна АН Арм.ССР /Ереван-1, ул.Абовяна, 15/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языка АН Арм.ССР.

Ученый секретарь совета *Р. Аю* /Г.Г.Акопян/

Целью диссертации является раскрытие главных закономерностей и путей развития языка новой армянской художественной литературы. Для этого прежде всего необходимо было выяснить: а) время зарождения новой армянской литературы, а следовательно и главные признаки, отличающие ее от средневековой армянской литературы, б) время и особенности формирования нового армянского литературного языка – ашхарабара.

Наиболее очевидным и, по-видимому, основным признаком, отличающим новую армянскую литературу от средневековой, является язык: средневековая литература создавалась либо на древнеармянском литературном языке – грабаре, либо на среднеармянском языке ("миджин айерен"), новая же – на ашхарабаре или диалектах (созданная в первой половине XIX века литература на грабаре являлась отклонением от этой закономерности).

Исследование письменных памятников привело диссертанта к выводу, что ранний период употребления ашхарабара – это середина XVII века, главным образом его вторая половина. К этому времени относится создание первых художественных произведений на ашхарабаре и диалектах. Поэтому в работе временем зарождения новой армянской литературы считается не первая половина XIX века (как принято считать), а вторая половина XVII века. В соответствии с этим, в начале диссертации исследуется язык художественной литературы второй половины XVII и первой половины последующего века. Работа завершается характеристикой языка двух видных представителей советской армянской литературы – Е.Чаренца и А.Бакунца. За этот 300-летний период значение одних авторов в развитии языка армянской литературы было очень велико, роль иных была более скромной. Данная работа является не собранием исследований о языке отдельных авторов, а, как уже говорилось, ставит целью выявить пути и закономерности развития языка новой армянской литературы. Поэтому исследуется язык авторов, сыгравших наиболее важную роль в развитии и обогащении языка

новой армянской литературы, хотя для полноты картины нередко приходилось обращаться и к второстепенным, в том числе ныне уже забытым авторам.

Поскольку в армянской литературе поэзия всегда занимала более ведущее место, в работе главным образом исследуется язык новой армянской поэзии, хотя определенное внимание уделено также выявлению языковых и стилистических особенностей творчества видных прозаиков и драматургов /П.Прошяна, Г.Сундукяна, Раффи, А.Бакунца/.

Работа в основном освещает вопросы развития языка восточно-армянской литературы. К особенностям языка западноармянской литературы диссертант обращался в отдельных случаях, преимущественно в главах, относящихся к ХVII и ХVIII вв.

Подобное исследование, посвященное вопросам развития языка новой армянской литературы в целом, пишется впервые. Имеется несколько работ по языку отдельных писателей, а некоторые общие вопросы языка армянской литературы затрагивались преимущественно в исследованиях по истории армянского языка.

Работа состоит из введения /"Обстоятельства"/ и десяти глав: 1. Возникновение и развитие гусанского ашхарабара. 2. Ранний ашхарабар в письменной и печатной речи. 3. ХVIII век. Раздвоение нового армянского литературного языка. 4. 1801-1858 гг. 5. Роль Абовяна. Борьба за литературный язык. Эстетика слова и вопросы обработки языка армянской литературы. 6. После 1858 года. Период обильного проникновения газетного стиля в художественную литературу. 7. От 1870-х гг. до начала нового века. 8. Классическое обогащение языка литературы народной речью. 9. Классическая поэтизация армянского стихотворного языка. Языковое искусство Теряна. 10. После Туманяна и Теряна. Главы имеют разделы и подглавы.

Во введении, помимо изложения вышеупомянутых "обстоятельств", говорится об употребляемых в работе лингвистических терминах, о правописании приводимых в диссертации оригиналов раннего ашхарабара, а также дается подробный обзор литературы по исследуемым вопросам. Особое внимание уделяется таким терминам, как грабар, ашхарабар, новый армянский литературный язык, диалект, литературный язык, язык литературы и другим, которые в работах по вопросам армянского языка нередко употребляются в

различных смыслах или смысловых оттенках.

Уточнены и разъяснены смысловые границы терминов, которыми руководствовался автор в работе. В частности, термин "грабар" использован в значении, принятом ныне многими исследователями. Согласно этому, грабар – древний армянский литературный язык, употреблявшийся с V века и оставшийся общепонятным, вероятно, до XI в.; хотя впоследствии он и употреблялся армянской церковью, однако был понятен только узкому кругу интеллигенции, в основном духовенству. Под термином "среднеармянский язык" подразумевается литературный язык XII-XIV вв. (преимущественно в армянском Киликийском государстве), понятный основной массе народа и употреблявшийся вплоть до XVI века, а в некоторых случаях и позже. Термин "ашхарабар" в диссертации означает новый армянский литературный язык в своих двух разветвлениях.

Во введении говорится также об одной существенной особенности языка новой армянской литературы, которая отличает его от языка литератур других народов и которая является следствием и выражением исторических судеб армянского народа. Язык новой армянской литературы – отнюдь не единое целое авторско-стилистических вариантов ашхарабара, ибо многие произведения, в том числе и некоторые из наиболее выдающихся, писались на местном диалекте или полудиалекте, а также на грабаре. В смысле языка существенно различаются и произведения, написанные на литературном ашхарабаре. Прежде всего, часть их написана на восточном, другая – на западном литературном языке. Далее, различны по языку также произведения, написанные на том же восточном ашхарабаре. Так, у одних писателей язык более насыщен народно-диалектными элементами, у других – менее, зачастую один и тот же автор пишет то на чисто литературном языке, то на диалекте, то на полудиалекте, то на грабаре и т.п. Все это создает немалые трудности для исследователя языка новой армянской литературы: прежде чем перейти к вопросу об авторских стилях или другим чисто стилистическим вопросам, диссертант останавливается на изучении особенностей формирования нового армянского литературного языка, на соотношении ашхарабара с грабаром и диалектами, значении употреблений диалектов или диалектных элементов в языке литературы и на ряде других вопросов.

В диссертации основное внимание уделено языковым и стили-

тическим особенностям произведений, созданных на литературном языке или его разновидностях – а их большинство, хотя и зачастую приходилось обращаться к произведениям на диалекте; рассматривались также вопросы, связанные с использованием в литературе диалектных или народно-разговорных элементов.

Глава I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГУСАНСКОГО АШХАРАБАРА

У истоков поэзии на ашхарабаре. Возникновение и развитие гусанского ашхарабара – область еще не исследованная. В отличие от бытующего у некоторых филологов мнения, что армянское ашугское искусство привнесено извне и не имеет никакого отношения к древнему и средневековому армянскому гусанству, диссертант считает, что армянское ашугское искусство не что иное, как продолжение древнего и средневекового гусанства свойственными новому периоду формами и языком. Это мнение автора основано на том, что во всех случаях речь идет о бродячих певцах – народных импровизаторах-поэтах, композиторах-исполнителях, а поэтические приемы ашугского творчества нового периода были общими для всего Ближнего и Среднего Востока и считать их привнесенными извне неверно. Ашугское искусство диссертант называет новым гусанским /в отличие от древнего и среднего гусанства/.

Главным отличием новой гусанской поэзии от средневековой диссертант считает язык. Средневековые гусанские песни написаны на разновидностях среднеармянского языка, а новые гусанские /ашугские/ – на диалекте или ашхарабаре. Некоторые авторы средневековья сами называли себя ашугами, но это не должно смущать исследователей. Песни этих авторов созданы не на ашхарабаре или диалекте, а это значит, что они не могут считаться ашугами, т.е. представителями новогусанского творчества. Исследователи гусанского искусства, дискутируя о времени зарождения армянского ашугского творчества и, в частности, о личности песнопевца второй половины XVI века – Азарана¹, не обратили внимания на язык песни, приписываемой последнему, являющийся вариантом

¹ Г. Левонян, Ашуги и их искусство, Ереван, 1944, стр. 36; С. Еремян, Ашуг Артун-оглы, Тегеран, 1946, стр. 124-136; А. Саакян, Армянские ашуги 17-18 вв., Ереван, 1961, стр. 14.

среднеармянского языка. Песня эта, по мнению диссертанта, средневековая, и автор ее не может считаться представителем ашугского (нового гусанского) искусства (хоть и называет себя ашугом).

Самые ранние (ныне известные) представители новой гусанской поэзии это Эгас Норджугаеци (около 1650-1734), Арзуни (около 1650-около 1750), а также великий армянский поэт-гусан Нагаш Овнатан (1661-1722).

В XIII веке Нор Джуга (Новая Джуга) играла важную роль в армянской социальной и культурной жизни. Затерявшийся в глубине Персии этот городок стал самым богатым центром армянского купечества. Велико было значение этого города и в развитии армянской культуры. Н. Джуга была известна своей замечательной школой, книгопечатанием, живописью и т.д. Художественная литература развивалась в виде гусанского искусства. Возник также норджугинский ашхарабар, то есть местный диалект, "окультуренный" элементами грабара.

Гусаны Эгас и Арзуни, подобно другим норджугинским гусанам, писали преимущественно на местном диалекте. Вот один куплет из песен Эгаса: "Դու կշտիս նստել ա լալման, ես քո յէշիքն ամ խալման, խօսման ամ, ջուղար չես ալման, Դէմ բնուում ա նուուն, ինչ անեմ,,.

Это диалект Н. Джуги в его чистом виде. Некоторые из песен Эгаса и Арзуни, главным образом на религиозно-нравоучительные темы, грабаризированы; проникшие в их язык грабарные слова, лексические формы, выражения и т.п. придают местному диалекту литературный характер.

На примере языка этих песен Эгаса и Арзуни можно наблюдать формирование раннего ашхарабара. На основе общего диалектного грамматического мышления наряду с диалектными словами и лексическими формами употребляется немалое количество грабарных словарных форм, слов, морфологических элементов. Так, в религиозно-нравоучительной песне Эгаса "Мега" ("Каюк") находим такие грабарные слова и лексические формы как: թողու թիւն, արքայու թիւն, շրթարծու թիւն, իննարհ, մշտապէս, ճաշակել и другие, характерные для грабарных религиозных оригиналов. В той же песне ряд слов употреблен не в присущей диалекту Н. Джуги форме, а в грабарном виде. Так, например, диалектные лексические формы երբի, ինտ, անկամ, столь частые в других песнях Эгаса, здесь

получили грабарный вид - հոգի, հետ, ազնիւն . В некоторых случаях вместо норджугинских диалектных форм աւ, աւ вспомогательного глагола в первом и втором лице единственного числа встречаем грабарные եւ, եւ /Անդաւոր եւ, փոշման եւ / . Есть грабарные грамматические формы /"քան գգեաւ ու ծոյ " , " Անդուցեալ եւ " , " Անց ծոյ " / . Хотя грамматическая основа стихотворения остается диалектной и из диалекта исходит ряд слов /ընդար , ծոյ и др./ и морфологических элементов /շտտցել ա, ծոյ աւ, Կերել աւ/, однако из-за наличия вышеупомянутого грабарного слоя общее качество языка заметно отошло от чисто норджугинского диалекта, стало "культурным", т.е. литературным.

В языке любовных стихотворений Эгаза грабарные слова и формы очень незначительны, и в целом язык их - это диалект Н.Джуги.

Грабаризация, т.е. олитературивание религиозных песен, наблюдается также в творчестве Арзуни.

В диссертации анализируется язык ряда песен этих двух норджугинских гусанов, отмечаются некоторые существенные языковые и стилистические различия их произведений.

На основе языковых фактов и вспомогательного филологического материала в диссертации показано, что ряд оригиналов, до сих пор в научной литературе считающихся раннеашхарабарными, в действительности относятся к позднему периоду. Например, стихотворение "Վոյճ ճըղաւցոյ" /"Плач джугайцев"/ более ста лет относили к началу XVII века, считая самым ранним художественным произведением на ашхарабаре. Диссертант показывает, что, судя по языковому материалу и содержанию, это стихотворение не могло быть создано в XVII веке и относится к более позднему периоду /возможно, к первой половине XIX века/. К образцам ашхарабара XVII века принято относить и песню "Ասի, աչի" /"Сказал, девушка"/, будто бы сочиненную норджугинцем Эгазом. На основе языкового и стилистического анализа выявлены очевидные различия между подлинными песнями Эгаза и этой. По языковым признакам она не может принадлежать норджугинцу XVII века - Эгазу и вероятнее всего относится к XIX веку.

Далее рассматриваются языковые и стилистические особенности творчества ряда живших в Н.Джуге в XVII и XIX веках гусанов - Багер-оглы, Амир-оглы, Абдин-оглы, Гул-Ованнеса и Артуи-оглы.

Некоторые особенности языка Нагаш Овнатана. В отличие от множества армянских гусанов нового времени Нагаш Овнатан был одним из образованнейших людей своего времени. Свои песни он сначала писал, затем читал или исполнял в общественных местах. Поэтому трудно сказать, был Овнатан гусаном или поэтом в обычном значении этого слова /то есть мастером письменной речи/.

В работе показано, что некоторые песни Овнатана носят яркий отпечаток грабара, нередко даже целые куски написаны на грабаре. В творчестве Овнатана наблюдаются также традиции средневековой поэзии с некоторыми признаками среднеармянского языка. Язык определенной части его песен, главным образом любовных, - ашхарабар. Нагаш Овнатан весьма умело прибегает к языковым и стилистическим вариациям, создавая высокохудожественные произведения и на языке, насыщенном грабаром с элементами среднеармянского, и на ашхарабаре. Несмотря на явное влияние грабара и среднеармянского, по своей общей грамматической основе и мышлению язык Овнатана диалектный, т.е. ашхарабарный. В работе сделана попытка выяснить, из каких источников проник в язык Овнатана ряд языковых средств /например, формы настоящего времени глаголов, образованные при помощи частицы լու, отложительный падеж, образуемый при помощи է, формы на է вспомогательного глагола и т.д./, общих для среднеармянского языка, диалекта Тбилиси и западноармянских диалектов. Одновременно выявление особенностей языка и стиля поэта дало диссертанту возможность исключить из числа приписываемых Овнатану стихотворений те, которые по стилю не могут принадлежать ему. Такой является песня "Պոչտեննե Բրայր, չե՛ս քեզ յարմար" - ее до последнего времени относили к раннему ашхарабару. Как показало исследование языка этой песни, она была создана в начале XX века. Не принадлежит Овнатану и написанная на норджугинском диалекте песня "Երեսնակ ճըղայնեք լոյս", которая при определении целостной картины языка поэта вводила исследователей в заблуждение /действительным автором этой песни является Степанос Джугаец/.

В следующем разделе этой главы привлечением ряда языковых фактов показано, что относимый к раннеашхарабарной поэзии вариант стихотворения "Երեւանեան Երկնաշարժ" Сафар-оглы в дошедшем до нас виде не мог быть создан в XVII веке. Приводится другой вариант стихотворения, языковой материал которого древнее и

ближе к языку первоначального /не дошедшего до нас/ текста песни.

В результате подобных уточнений от памятников раннего ашхарабара обособляются оригиналы, отражающие язык более поздних периодов, что проясняет языковую картину гусанского ашхарабара XVII и первой половины XVIII века.

Остальная часть главы посвящена дальнейшему развитию гусанского ашхарабара, в частности, исследован язык гусанов первой половины XIX века — Азбар Адама, Сейада, Нирани и Ширина, особый раздел посвящен характеристике языка гусанов, писавших на тбилисском диалекте и принадлежавших к гусанской школе Тбилиси — Саят-Новы, Шамчи Мелко и Кичик-Новы.

Со второй половины XIX века, в культурной жизни армян письменная поэзия начинает занимать ведущее место по сравнению с гусанской, хотя последняя и продолжает процветать до начала XX века, а затем постепенно отступает и ныне находится на грани исчезновения.

Гусанский ашхарабар, в общем глубоко народный по характеру, являлся одним из путей развития языка армянской художественной литературы. Видные представители его сыграли определенную роль также и в формировании языка письменной армянской поэзии. Надо отметить, что среди первых печатных публикаций /1820—1830 гг./ стихотворений на восточном ашхарабаре значительное место занимали новогусанские песни.

Глава II. РАННИЙ АШХАРАБАР В ПИСЬМЕННОЙ И ПЕЧАТНОЙ РЕЧИ

Во второй половине XVII века, когда армянская гусанская поэзия уже создавалась на диалектах и ашхарабаре, в письменной речи, в том числе и в печатных произведениях господствовал грабар. Однако это не мешало тому, чтобы в тот же период писались и печатались произведения и на ашхарабаре. Во второй половине XVII века было издано три книги на ашхарабаре.

Вообще возникновение и развитие ашхарабара связано не только с литературизацией какого-либо отдельного диалекта, как это было с нордзугинским гусанским ашхарабаром, но и с оформлением народно-разговорного общеармянского языка и его литературизацией в письменной речи элементами грабара и среднеармянского

го. В формировании разговорного общеармянского языка весьма важную роль сыграло армянское купечество. Торговцы-армяне, отовсюду наводившие главные рынки Европы и Азии — от Голландии до Индии и Китая, — вынуждены были общаться на общеармянском разговорном языке, поскольку их родные диалекты отличались друг от друга подчас до непонятности. И действительно, расцвет армянской торговли в XVII веке породил подобный общеразговорный армянский язык. В тот же период образованные армяне по заказу купцов, а иногда и по собственной инициативе, писали или переводили необходимые торговцам книги. Разумеется, было бы неправильно издавать такие книги на господствующем в литературе грабаре, которым не владели армянские купцы, было бы неверно использовать для этой цели и какой-либо местный диалект, непонятный части или большинству купцов. Языком этих книг стал ашхарабар, который и в этом случае также формировался в результате синтеза междиалектных народно-разговорных /а также диалектных/, грабарных и среднеармянских языковых элементов, разумеется, на общей диалектно-народной грамматической основе.

Не сохранилось какого-либо более или менее точно зафиксированного образца междиалектного разговорного армянского языка XVII века, язык дошедших до нас письменных памятников литературизирован, поэтому трудно составить верное представление о междиалектном разговорном армянском языке XVII века. Грабар, служивший основным фактором превращения диалектов и народно-разговорного языка в литературный, хотя и был непонятен народу, все же оставался общеармянским литературным языком, а также высшим мериллом культуры речи. Среднеармянский язык имел множество вариантов и был близок к некоторым западноармянским диалектам, однако в XVII веке еще частично сохранил свое общеармянское значение. Во всяком случае ашхарабар, на котором писались "купеческие" книги, был литературизирован элементами грабара и среднеармянского. В письменном ашхарабаре употреблялись главным образом такие слова и лексические формы, которые фонетически идентичны или очень сходны в большинстве диалектов, а вместо диалектных вариантов одного и того же слова, отличающихся друг от друга фонетически, обычно выбирался грабарный "общеармянский" вариант. Например, вместо форм բրր, բրւր или բր ր

/сестра/, свойственных отдельным диалектам, употреблялась грабарная форма քոյր ; или, скажем, вместо форм հեր , հար , հեր /отец/ употреблялась грабарная форма հայր и т.д. С другой стороны, множество иноязычных – восточных слов, проникших в диалекты, заменялось также грабарными эквивалентами, например, вместо ряда свойственных диалекту слов, таких как ալիսն /лев/, քոմուր /уголь/, խոպ /пыль/ употреблялись грабарные -ախրծ , -ծուխ , փոշի и т.д. В качестве литературизирующих элементов в язык проникали и многие другие слова, а также грамматические формы грабара. Подобная литературизация языка в первоначальной форме происходила в период формирования междиалектного разговорного армянского языка и позже гораздо сильнее – в письменной речи. В этой главе диссертации подобный ход формирования ашхарабара представлен разбором языка ряда рукописей из Матенадарана им.Маштоца, а также печатных армянских книг XVII века. Это, в основном, пособия для купцов – учебники по арифметике, счетоводству, задачки, справочники по мерам и весам различных стран мира и т.д., а также одна религиозная книга. Поскольку некоторые важные явления, характерные для языка армянской художественной литературы XIX–XX веков, обусловлены особенностями формирования раннего книжного ашхарабара, в диссертации язык некоторых из указанных текстов исследован подробно. Из рукописных арифметических пособий примечателен недатированный оригинал "Искусство чисел сие". На основании языковых и иных данных диссертант пытался уточнить дату создания текста и пришел к выводу, что он относится не к XV веку, как считалось, а ко второй половине XVII века. Ашхарабар этого арифметического пособия един, то есть не является западным или восточным вариантом нового языка, а ашхарабаром пока что не раздвоенным. Значительный восточноармянский уклон объясняется тем, что в языке этого учебника, предназначенного для купцов Н.Джуги, элементы местного диалекта в некоторых случаях использовались чаще.

В данной главе особенно подробно исследован язык первой печатной книги на ашхарабаре "Искусство вычисления". Это бухгалтерско-арифметическое пособие для купцов было напечатано в 1675 г. в Марселе, в армянской типографии имени Св.Эчмиадзина.

Для анализа и характеристики языка книги диссертант выделил 20 главных языковых признаков: I. выбор и употребление автором текста грабарных или диалектных синонимных лексических форм /например, tu , t'u и shu , sh'u , dru и d'bu и т.д./, 2. употребление диалектных слов / hrdru , dncl , shrb'by , qtorsh , ush и т.д./, 3. употребление ряда грабарных форм местоимений / unrw , unrw , ungw и т.п./, а также послелога qbrsh , 4. образование множественного числа существительных /грабарные или диалектно-ашхарабарные/, 5. употребление грабарных падежных форм, 6. образование форм множественного числа родительного-дательного падежа, 7. образование родительного-дательного падежа неопределенного причастия – инфинитива /в форме ли грабарного qrbc'u или ашхарабарного qrbc'u /, 8. употребление местного падежа, свойственного восточным диалектам / rshqrc'u , ornc'u и т.д./, 9. образование отложительного падежа /свойственной грабару, среднеармянскому и западным диалектам падежной флексией t или характерной для восточных диалектов флексией g , h , ng , ng /, 10. разные случаи употребления слитного артикля u ; II. употребление глагольной частицы c ашхарабара, 12. формы настоящего времени глагола и т.д.

Разбор приводит к заключению, что язык книги "Искусство вычисления" обнаруживает явную тенденцию к системности, хотя в нем пока еще много параллельных форм. Нет преобладания восточных либо западных диалектных форм, ашхарабар един, языковые средства, свойственные каждой из этих двух основных группировок армянских диалектов, уравновешены. Так, например, если среди личных глаголов преобладает ряд форм, свойственных среднеармянскому, а также западным диалектам /образование настоящего времени при помощи частицы qnc , $\text{q} - \text{qnc}$ qrqr , qnc dsh'bu ; преобладание причастия – глагольной основы прошедшего времени, образованного частицей $\text{p} - \text{pshqr}$ bu , shbr bu и т.д./, то в падежной системе отмечается местный падеж /с окончанием nc'u /, свойственный только восточным диалектам, или в лексических формах преобладают формы, характеризующие также восточные диалекты / tu , t'u , shu и т.д./.

Главным итогом своего исследования в этой главе диссертант считает выявление и характеристику единого ашхарабара, свобод-

ного от разделения на западноармянский и восточноармянский. Тем самым пересмотрено мнение о том, что новый литературный армянский язык был раздвоенным с самого начала своего возникновения.

При помощи тех же 20 языковых компонентов проанализирована вторая печатная книга на ашхарабаре "Толкование душеспасительных псалмов" /Венеция, 1687/. Она состоит из двух частей: а/ псалмы на грабаре, б/ их истолкование /иногда и переложение/ на ашхарабаре. Языковой разбор ашхарабарной части привел диссертанта к выводу о том, что и в данном случае имеем дело с единым ашхарабаром. Однако в отличие от языка "Искусства вычисления" здесь процент грабарных языковых элементов выше: вместо ряда народно-диалектных лексических форм, свойственных языку "Искусства", здесь использованы грабарные языковые средства. Следовательно, в этих двух книгах мы имеем 2 варианта раннего ашхарабара, один из которых более народный и сравнительно мало грабаризированный, а другой — сильно грабаризированный и менее народный.

Диссертант останавливается также на художественных особенностях языка "Толкования". В ряде приведенных примеров можно заметить, как тропы, метафоры и иные образы из грабарных псалмов проникли в истолкования на ашхарабаре, а ряд других образов создан самим автором. "Толкование" является фактически первой книгой на ашхарабаре с признаками художественной прозы.

Автором ашхарабарной части "Толкования" был известный языковед и переводчик Ованес Олов Костандиуполсеци, о котором в диссертации приведены биографические данные, а также впервые дана полная библиография его произведений и переводов. Путем подробного языкового сравнения "Искусства вычисления" с "Толкованием" показано также, что они не принадлежат перу одного и того же лица, поэтому требует пересмотра распространенное мнение о том, что "Искусство вычисления" также переведено Оловом.

Ованес Олов впервые теоретически обосновал употребление ашхарабара. В предисловии к "Толкованию душеспасительных псалмов" он констатирует тот факт, что грабар читает и понимает лишь духовенство, что народ его не понимает, поэтому необходимо по примеру других европейских народов писать на понятном народу языке — ашхарабаре. Следовательно, нуждается в пересмот-

ре мнение, согласно которому теоретическая защита ашхарабара началась в первой половине XIX века.

С целью лучшего выяснения характера и хода развития раннего ашхарабара в данной главе диссертации был подвергнут разбору также язык писем коммерсанта и политического деятеля начала XVIII века Егия Карнеци. Сохраняя некоторые особенности единого ашхарабара, он уже частично склоняется к восточным диалектам.

Языковой анализ, проведенный в I и II главах диссертации, показывает также, что в XVIII веке существовали два главных направления развития ашхарабара: одно близкое к народной речи, насыщенное ею, примером которого является ашхарабар гусанской поэзии, другое — склоняющееся более к грабару, примером которого служит ашхарабар коммерческо-арифметических и религиозных текстов. Последнее, как было сказано, имело также два языковых варианта — один сравнительно близкий к живой народной речи, другой более связанный с грабарными традициями. Эти языковые варианты просуществовали до XX века и сыграли важную роль в развитии языка восточноармянской художественной литературы.

Глава III. XVIII ВЕК. РАЗДВОЕНИЕ НОВОГО АРМЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В первой половине XVIII века происходит разделение нового армянского литературного языка на две ветви — восточную и западную. Языковой основой этого разделения послужили различия между восточными и западными диалектными группами. Основным фактором, делающим ашхарабар единым, был грабар и в какой-то мере употребление языковых элементов среднеармянского. Когда удельный вес диалектных языковых элементов в ашхарабаре выходил за определенные рамки и заметно уменьшалась роль грабара, новый литературный язык склонялся к той диалектной группе, элементы которой начинали преобладать в нем. Когда усиливалось влияние восточных диалектов, формировалась восточная ветвь ашхарабара, а в результате проникновения языковых средств западных диалектов формировалась западная ветвь литературного языка. Постепенно к народно-диалектной основе западноармянского литературного языка ведущую роль занимает диалект Константинополя, восточный

же литературный язык формируется преимущественно на основе араратского диалекта. В диссертации показано, что раздвоение нового литературного языка было исторически неизбежно. С одной стороны, сыграли роль политические факторы /отсутствие армянской государственности, разделение Армении на западную и восточную - между Персией и Турцией/, с другой - тенденция сделать новый литературный язык понятным для народа, что означало большее употребление центробежных народно-диалектных языковых элементов взамен грабарных.

В работе немецкого востоковеда Иогана Шредера "Сокровище арамейского языка", написанной на латыни /Амстердам, 1711/, имеется раздел, посвященный ашхарабару - дается грамматическая картина нового литературного языка и приводятся тексты. Несмотря на наличие в грамматике и текстах признаков единого ашхарабара, преобладающими остаются восточноармянская речь и формы. Фактически мы имеем здесь дело с восточной ветвью нового литературного языка. Так, преобладает характерная для араратского и ряда других восточных диалектов система склонения /с местным падежом/. Очень употребительна свойственная большей части восточных диалектов аналитическая форма настоящего времени личного глагола с причастием, образованным при помощи *սիւ* и т.п.

С другой стороны, вышедшее в 1727г. в Венеции пособие "Врата в грамматику ашхарабара" Мхитара Себастиани - это явно грамматика западноармянского литературного языка: нет местного падежа, родительско-дательный множественного числа образован свойственной западным диалектам падежной флексией *սի* - *ցրսրսի*, *օրսրսի*, имеются характерные формы западного ашхарабара - *սի*, *սի*, *սի*, *սի* и т.п.

В силу ряда историко-политических причин восточная ветвь нового литературного языка в XVIII веке имела очень узкую сферу употребления. Напротив, возникновение ряда важных культурных центров западных армян /в Венеции, Вене, Константинополе/ способствовало развитию западноармянского литературного языка. На протяжении всего XVIII века в армянской литературе продолжал господствовать грабар. Несмотря на это, западноармянская литература на ашхарабаре все же несколько продвинулась вперед. За столет на западном ашхарабаре было написано несколько десятков книг, между тем как на восточном ашхарабаре не было напечатано

ни одной. Лишь в трех изданиях имеются отдельные образцы восточного ашхарабара - в вышеупомянутой книге И. Шредера, в словаре Клеопатры Сарафян "Ключ к науке", изданном в 1788 г. в Петербурге, и на нескольких страницах издававшегося на грабаре журнала "Аздарар", который выходил в Мадрасе в 1794-1796 гг.

В диссертации рассмотрены языковые особенности некоторых из изданных в XVIII веке на западном ашхарабаре книг, как и особенности восточного ашхарабара в упомянутых образцах.

В книге И. Шредера приведена небольшая пьеска из жизни армян Агулиса - первая пьеса на восточноармянском литературном языке. Бытовое содержание ее определило выраженный народный характер языка. В данной главе диссертации говорится о некоторых особенностях языкового стиля этого произведения, а также приводятся стихи, написанные в XVIII веке на западноармянском литературном языке, характеризуются особенности их языка и стиля.

В главе особое внимание уделено вопросу раздвоения нового армянского литературного языка, рассматриваются также различные точки зрения, высказанные в разное время, на объединение этих двух ветвей. Диссертант придерживается того мнения /высказанного Р. Ачаряном и другими/, что объединение этих двух ветвей практически невозможно, и все попытки в этом направлении обречены на неудачу. Одновременно диссертант пытается показать, что раздвоение армянского литературного языка имеет некоторые положительные стороны и что хотя объединение этих двух ветвей невозможно, однако сближение и взаимообогащение их вполне возможно и необходимо.

Раздвоение ашхарабара стало причиной возникновения в дальнейшем двух основных вариантов новой армянской литературы - восточного и западного. Эти две части единой армянской литературы отличаются друг от друга как по языку, так и по ряду стилистических особенностей.

Глава IV. 1801-1858 гг.

В первой половине XIX века в культурной жизни армян продолжал господствовать грабар, хотя удельный вес ашхарабара становился все больше. В издаваемых книгах преобладал грабар /80 процентов/, далее следовал западный ашхарабар /около 18 процентов/ и лишь после - восточный ашхарабар. В периодических изданиях

господствовал западноармянский литературный язык. Из выходящих в этот период 30 газет и журналов 20 издавались на западном ашхарабаре, один на восточном ашхарабаре /"Арагат"/, остальные на грабаре. Таким образом, западные армяне печатали на ашхарабаре больше, чем восточные, — у последних в письменной речи, как и в печатной, преобладал грабар. Одна из причин этого заключалась в том, что в культурной жизни западных армян заметную роль играли католические и протестантские организации, которым необходимо было обращаться к народу на понятном ему языке. Борющаяся против них григорианская церковь в среде западных армян стала чаще прибегать к тому же оружию — к печатанию книг и периодических изданий на понятном народу языке. Среди восточных армян, в частности на Кавказе, первыми издателями книг на ашхарабаре также были протестантские миссионеры, однако здесь григорианская церковь противопоставила им не свою литературу на ашхарабаре, а распоряжение царского правительства о запрещении деятельности протестантов.

Начиная с данной главы, диссертант прослеживает развитие языковых и стилистических особенностей восточной ветви армянской литературы, а к отдельным вопросам западной обращается по необходимости.

В свою очередь, восточный ашхарабар в первой половине XIX века был представлен двумя вариантами — норджугинским ашхарабаром, основывавшимся на норджугинском диалекте, сферой употребления которого были армянские колонии Персии и Индии, и кавказским ашхарабаром, основывавшимся на араратском диалекте, сферой употребления которого были Кавказ и армянское население России.

Художественная литература на ашхарабаре Нор-Джуги. Три основные периодические издания индийских армян — "Аздарар" /"Вестник"/ А.Шмавоняна /Мадрас, 1794—1796/, "Штемаран" /"Сокровищница"/ М.Давтяна /Калькутта, 1821—1823/ и "Азгасер" /"Патриот"/ М.Тагиадяна /переименованный в "Патриот араратский", Калькутта, 1845—1846, 1848—1852/ — выходили на грабаре, однако первые два издания изредка печатали материалы и на ашхарабаре, третье же издание начало выходить на ашхарабаре, но через несколько месяцев перешло на грабар. "Штемаран" и "Азгасер" печатали стихотворения на ашхарабаре и диалекте, но гораздо меньше, чем на грабаре. Поэзия на ашхарабаре и диалекте была представлена

песнями гусанов Н.Джуги, народными песнями персидских и индийских армян, переводами с английского, а также оригинальными стихами на литературном языке. Язык народных песен, а также переводной и оригинальной поэзии на норджугинском ашхарабаре рассмотрен в настоящей главе диссертации /о гусанской поэзии говорилось в первой главе/. Если в народных песнях имеется множество диалектных элементов, а также заметна легкость и живость языка, народное остроумие, то язык переводов и оригинальных стихотворений являет собой классический образец норджугинского варианта восточного ашхарабара с печатью искусственности и книжности.

Далее исследован язык вышедшей в 1821 г. в Калькутте драмы в стихах "Разоблачение коварства". Несмотря на то, что автор /по-видимому, М.Давтян/ считает ашхарабар по сравнению с грабаром явлением низшего порядка /положительные герои говорят на грабаре, отрицательные — на ашхарабаре/, все же норджугинский ашхарабар пьесы представляет определенный интерес с точки зрения художественности стиля — язык героев прост, незатейлив, близок к народной речи, хотя местами и примитивен.

Разбираются также языковые и стилистические особенности вышедшего в 1830 г. в Калькутте песенника "Сиракаркадж" /"Переливы любви"/, как и романа Т.Аветумяна "Арамаис" /Калькутта, 1846/. Первый примечателен примерами употребления образных народных выражений в новом литературном языке, а второй представляет собой одну из первых серьезных попыток использования восточной ветви нового литературного языка в художественной прозе. Роман имеет острую общественно-политическую тенденцию — он направлен против языковой ассимиляции армян и отстаивает постоянно волнующий армян вопрос о сохранении родного языка. Публицистическое содержание романа определило и его газетно-публицистический стиль — это язык и стиль "Азгасера" /начального периода/, на страницах которого он печатался.

В индийской армянской колонии, с одной стороны, норджугинский ашхарабар все более сближался с араратским ашхарабаром, с другой стороны, место его в печатном слове занимал грабар. Большинство же индийских армян постепенно перешло на употребление английского языка и ассимилировалось. После первой половины XIX века норджугинский ашхарабар сколько-нибудь видных проявле-

ний в литературе не имел. Среди восточных армян господствующим литературным языком становится араратский или кавказский восточноармянский литературный язык.

Первые шаги литературы на ашхарабаре на Кавказе. В Закавказье первая книга на ашхарабаре была издана в 1829 г. в городе Шуше протестантами – это была религиозная книга "Собрание божественных свидетельств". Сохранилось сведение о том, что в 1827 г. в Тбилиси на восточном ашхарабаре была в виде листовки издана инструкция армянского добровольческого войска /"Руководство для нового армянского войска"/. Листовка пока не найдена, но текст оригинала сохранен в книге М.Мсерьяна "История католикосата Эчмиадзина" /Москва, 1876/. В диссертации охарактеризован язык листовки. Приводятся некоторые важные языковые компоненты, показывающие, что язык инструкции – это восточный ашхарабар. К ним относятся, например, формы t^u , t^q , t^v указательных местоимений, образование отложительного падежа при помощи флексии g , rg , ng , образование аналитической формы настоящего времени личного глагола при помощи причастия с суффиксом nd и т.д. В языке инструкции имеются также характерные для западных диалектов формы, как например, образование родительного падежа множественного числа с флексией nc – $q^u^v^u^v$ nc , форма на t вспомогательного глагола третьего лица единственного числа, в некоторых случаях образование настоящего времени глаголов при помощи частицы q^u^v и проч., попавшие, однако, в язык инструкции под влиянием уже не западных диалектов или среднеармянского, а тбилисского диалекта.

На основании анализа языка книг, изданных шушинскими протестантами, показано, что в 1820–30 годах кавказский вариант восточного ашхарабара, несмотря на множество параллельных форм, был уже сформировавшимся литературным языком со своими четко выраженными закономерностями. И тем не менее первый на Кавказе армянский журнал "Кавказ" /Тбилиси, 1846–1847/ вышел на грабаре с отдельными материалами на ашхарабаре. В диссертации рассматриваются несколько отрывков из ашхарабара "Кавказа", в том числе языковые особенности стихотворений. Отметим, что печатавшиеся в журнале художественные произведения также в основном написаны на грабаре, есть только единичные стихотворения на ашхарабаре.

Диссертант обращает внимание на опубликованную в "Кавказе"

(1847, № 8,9,10) обширную статью-диалог М.Зограбяна, содержащую примечательные для этой эпохи рассуждения о грабаре, новом литературном языке, диалектах и их взаимоотношениях. Замечается тенденция к наибольшей грабаризации нового литературного языка, ставшая господствующей в языке ряда восточноармянских газет, журналов и книг 1860-х годов и в какой-то степени традиционной для характера дальнейшего развития нового литературного языка.

В 1850 г. в Тбилиси Габриель Патканян начал выпускать первое кавказское периодическое издание на ашхарабаре – "Арабат". Но даже и в этом журнале в какой-то мере сохранялась традиция писать художественные произведения на грабаре: так, в номерах за 1850 г. опубликовано 18 стихотворений на грабаре, 14 – на ашхарабаре и диалектах. Диссертант проанализировал язык и стиль ряда стихотворений на ашхарабаре, напечатанных в "Арабате", некоторые образцы публицистической, научно-популярной, информационной и художественной прозы, в том числе язык "романа" "Никто не может изменить predetermined порядок". Показано, как заметно отделяется от живой разговорной речи язык публицистических статей на ашхарабаре. Этому способствуют риторический стиль, сложные синтаксические конструкции, как и возрастающее количество элементов грабара в языке публицистики. Язык чисто информационных и научно-популярных статей более четкий, склонный к народному. Близок к ним язык художественной прозы. Что касается опубликованных в "Арабате" стихотворений на ашхарабаре, то их можно отнести к нескольким стилистическим разновидностям. Язык опубликованных в первоначальный период стихотворений – это сравнительно ясный и свободный от излишних грабарных элементов газетный язык, заключенный в стихотворную форму. Поэтизация слова слаба, хотя стихотворный ашхарабар здесь в большинстве случаев ясен и близок к живой речи. С появлением на страницах "Арабата" произведений Рафаэля Патканяна в журнале сформировался тяжелый, насыщенный грабарными и западноармянскими формами поэтический язык. Это был шаг к грабарно-книжному языку. Своим страстным патриотизмом поэзия Р.Патканяна завоевала широкий круг читателей и почитателей, и грабарно-книжный язык его ранних стихотворений с присущими ему риторическими-публицистическими интонациями оказал влияние на дальнейшее развитие языка армянской поэзии.

Подробному языковому и стилистическому анализу подвергнуты напечатанные в "Арабате" стихотворения Р.Патканяна на ашхараба-

ре, показано употребление наряду с грабарными и западноармянскими формами тех характерных восточноармянских диалектных форм, которые впоследствии стали чужды новому литературному языку. Наличие западноармянских языковых средств в языке поэта-диссертанта приписывает тому, что Р.Патканян — выходец из Н.Нахичевана, диалект которого является западноармянским. Позже поэзия Р.Патканяна сбросила с себя груз чуждых восточноармянскому литературному языку элементов. Но искусственное привнесение в восточноармянский литературный язык грабарных и западноармянских языковых средств всегда было характерно для Р.Патканяна. Языку его свойственны и другие недостатки, связанные со спецификой создания стихотворной речи (подгонка под ритм и ритм), как например произвольные (чуждые восточноармянскому ашхарабару) опущения слитного артикля $\text{ն} (\text{ն})$ ("նամբրագիր տեղը բննեց լռու թիւն", вместо լռու թիւնը), насильственные синтаксические перестановки ("նվ էր կարող ընդդէմ տակ բան ստատիկ", "ն է իմ տնտիս գտնել տեղ ինչ չտնտեսան") и т.п., которые в соединении с излишним грабарным наслоением делали еще более искусственным язык поэзии Р.Патканяна.

В конце этой главы проанализирован язык и стиль опубликованного в "Арарате" сатирического стихотворения Микаэла Налбандяна "Мнение глушцов об учебе", в котором элементов западноармянской речи больше, чем в стихах Р.Патканяна, однако стихотворение это менее книжно и искусственно. Языковая и стилистическая основа стихотворения — это западноармянская речь, родной М.Налбандяну диалект; отсюда и естественность звучания в его языке ряда западноармянских форм (как, например, լննա, ախտն, տեղն, կանոններն, կլլա и т.д.). Стихотворение свободно от излишней грабарности и других признаков книжности, свойственных языку Р.Патканяна. Однако в дальнейшем язык обоих писателей развился по-разному. Р.Патканян пытался приблизить язык своей поэзии к народному, в то время как поэтический язык Налбандяна все больше перегружался грабарно-книжными формами.

Глава У. РОЛЬ АБОВЯНА. БОРЬБА ЗА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. ЭСТЕТИКА СЛОВА И РАЗРАБОТКА ЯЗЫКА АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Х. Абовян — один из выдающихся новаторов языка армянской литературы. Однако возникает вопрос: отнести ли его творчество

к эпохе, в которую он жил, или к более позднему времени? Как просветитель и автор художественных произведений Абовян, разумеется, порождение своего времени, выразитель духа своей эпохи. Однако художественные произведения Абовяна свою общественную, а также языковую и стилистическую роль выполнили лишь спустя 10 лет после его таинственного исчезновения (1848г.), когда они начали издаваться. До 1858 г. было опубликовано в печати несколько незначительных вещей Абовяна, оставшихся незамеченными, а изданный им учебник "Нахашавих" ("Предпутье") был известен в очень узком кругу. В 1858 г. вышел в свет роман Абовяна "Раны Армении", за чем последовало опубликование ряда других его произведений, и именно тогда сказалось огромное влияние Абовяна на развитие армянской литературы и ее языка. Следовательно, хотя Абовян жил, творил и боролся за ашхарабар в первой половине XIX века, однако в армянской литературной жизни он начал "действительно участвовать" после своей смерти, со второй половины века, поэтому и роль Абовяна в развитии языка армянской литературы рассмотрена в разделе, посвященном этому периоду.

Борьба за литературный язык ("Грапайкар"). В конце прошлого столетия в армянской общественной и литературной жизни шли споры по различным вопросам употребления грабара и ашхарабара в качестве литературного языка. Вопросов этих было много, они очень разнообразны и отражены во множестве статей, книг и предисловий к книгам. На основании собранных фактов диссертант пытается пересмотреть некоторые создавшиеся представления по вопросам борьбы за литературный язык. В работе, в частности, показана необоснованность распространенного мнения о том, что все сторонники употребления ашхарабара принадлежали к прогрессивному течению, а все противники его и поборники грабара были представителями консервативного направления. В действительности черта, разделявшая общественно-политические течения, вовсе не совпадала с чертой, разделявшей сторонников ашхарабара и грабара. Таких деятелей консервативного толка, как мхитаристы, С.Мандинян, Г.Айвазовский, О.Черкезян и другие, обычно представляли яркими противниками ашхарабара. В этой главе диссертации приводятся факты, неопровержимо доказывающие необоснованность подобных утверждений. Именно мхитаристы первые среди армян издали учебник грамматики ашхарабара, первые стали издавать

журналы на ашхарабаре, сделали ашхарабар языком армянского театра, а венский мхитарист А. Айтнян был одним из тех, кто приводил самые веские доводы в пользу употребления ашхарабара. Традиционно считавшийся крайним противником ашхарабара Г. Айвазовский в действительности, начиная с 1840-х годов выступал за самое широкое употребление ашхарабара (в диссертации приводятся обширные выдержки из его статей). В 1843 г. он основал самый долговечный журнал на ашхарабаре — "Базмавел", а спустя некоторое время другой журнал на ашхарабаре — "Масьяц агавани" ("Голубь Масиса"); он же перевел на ашхарабар басни Крылова и т.д. Считавшийся также противником ашхарабара С. Мандинян основал вторую на Кавказе газету на ашхарабаре — "Мегу Айастани" ("Пчела Армении"), язык которой по сравнению с языком всех прочих восточноармянских периодических изданий был ближе всего к народному и менее перегружен грабарными элементами.

В то же время такие видные представители прогрессивного течения как М. Тагиадян, М. Давтян-Мкртчян, Т. Аветумян и другие были последовательными сторонниками грабара и в теории и на практике.

В диссертации подчеркивается, что каждое общественно-политическое течение прошлого столетия стремилось войти в контакт с народом, к этому стремились и прогрессивисты и консерваторы, хотя среди тех и других были люди, которые не видели в перспективе победы ашхарабара и исторической обреченности грабара. Диссертант пытается объяснить причины, которые заставляли некоторых деятелей прошлого отстаивать грабар. Это была, прежде всего, высокая по сравнению с ашхарабаром языковая культура, грабар был единым для всего армянского народа литературным языком, в то время как ашхарабар был разделен на две ветви, в свою очередь тоже имеющие варианты и разновидности; далее — на грабаре имела богатая древняя литература, а литература на ашхарабаре только создавалась; и, наконец, — имело значение то, что грабар в течение веков был "освящен" как язык церкви и церковных книг. При всем этом поборники грабара, как единственного литературного языка, были в роли дон-кихотов, ибо исторические судьбы армянского народа обусловили победу ашхарабара, и правы оказались те, кто отстаивал и обосновывал необходимость употребления ашхарабара.

Вопросы эстетики слова стали в работе предметом особого внимания, главным образом, потому, что когда победил ашхарабар и художественная литература стала создаваться на новом литературном языке, перестала существовать проблема грабар или ашхарабар и встал вопрос о способах преодоления искусственности, газетности и прочих подобных недостатков нового литературного языка в художественной литературе. А это преимущественно вопрос эстетического порядка.

В диссертации отстаивается понятие эстетического в широком смысле этого слова, связанное не с одним только понятием прекрасного. Затем отмечается, что в итоге эстетика слова сводится к следующему: речь как конкретное выражение языка, как язык в употреблении, помимо передачи мыслей, зачастую представляет собой и эстетическую ценность, которая заключается, главным образом, в чувственно-эмоциональных особенностях. Некоторыми эстетическими признаками может обладать язык и нехудожественных произведений (публицистических, научных и т.д.), однако эстетика слова — это существенное, основное свойство языка и стиля именно художественной литературы. В этом разделе диссертации сравнивается чисто лингвистический анализ языка одного и того же стихотворения по плану выражения, когда обычно обходятся чувственно-эстетические признаки речи, со специальным анализом по плану содержания, когда обойти эти признаки невозможно. Диссертант придерживается мнения, что эстетические признаки свойственны не только речи, но и некоторым отдельным взятым словам (главным образом составным).

Исследователями неоднократно отмечалось, что новый армянский литературный язык по происхождению — язык искусственный. В данном случае слово искусственный употребляется в качестве специального термина и совершенно отличается от того смысла, который вкладывается в слово "искусственный" при определении эсперанто, волапюк или других языков международного употребления, созданных отдельными людьми из лексического и грамматического материала различных языков. Новый армянский литературный язык не был создан отдельной личностью (приписывание зарождения ашхарабара той или иной личности в диссертации решительно отвергнуто); он возник в определенной исторической эпохе, его возникновение вызвано требованиями культурно-общест-

венной жизни, формирование продолжалось в течение многих лет, а весь его языковой материал, особенно грамматическая структура и основной словарный состав – национальные, армянские.

Искусственным новый литературный язык называется по той причине, что складывался на материале, элементах различных периодов исторического развития армянского языка. Грамматическая основа его – структурная общность диалектов нового периода, большая же часть лексических форм и принципы словообразования – грабарные, в нем много заимствованных непосредственно из грабара слов, а также в двух его ответвлениях в разной степени имеются перешедшие из грабара и среднеармянского языка грамматические формы и т.д. В этой части диссертации автор показывает, что привитие элементов древнего литературного языка новодиалектной грамматической основе происходило под постоянным "давлением" грабара, как языка с сильной культурной традицией. Синтез языкового материала различных диахронных уровней в новом литературном языке стал главной причиной первоначальной искусственности, книжности его. Диссертант на множестве языковых фактов показывает, какими неестественными и мертвыми становятся живые народные выражения, фразы, поговорки, когда к ним прививаются грабарно-книжные лексические формы. Если в ХУП–ХУШ вв. авторов арифметических-счетоводских или религиозных книг на ашхарабаре не беспокоила эта искусственность языка, а общественно-насыщенной публицистике 60–70-х годов XIX века она не мешала, то в конце XIX века и начале XX это качество нового литературного языка стало серьезным препятствием на пути создания высокохудожественной литературы. Так историко-языковые явления становились проблемами эстетического характера.

Со второй половины XIX века к первоначальной или "врожденной" искусственности нового литературного языка присоединяются такие "приобретенные" свойства, как газетность, ораторски-публицистические интонации, высокопарность, явившиеся следствием того, что начиная с середины XIX века новый литературный язык разрабатывался преимущественно в периодической печати.

Многие армянские писатели-классики были озабочены искусственностью и другими недостатками литературного языка и старались найти пути преодоления их. И по существу развитие и со-

вершенствование языка армянской художественной литературы о середины XIX в. во многом сводились к преодолению искусственности и газетного стиля нового литературного языка.

Последняя часть главы посвящена вопросам общественной традиции языка. Автор пытается выяснить, как создается в обществе традиция считать или воспринимать одни языковые формы литературными, а другие – не литературными, диалектными. Так, рассматривается вопрос двух рядов лексических форм – с грабарным дифтонгом шj и его диалектным вариантом t̄. Только лишь силой языковой привычки и традиции можно объяснить то, что сегодня слова со звуком шj (ʃshjɾ , ʄshjɾ , ɔshjɾ , qshjɪ , shjɔ , fshjɪ и др.) воспринимаются как чисто литературные, а их варианты с гласным t̄ (ʃt̄ɾ , ʄt̄ɾ , ɔt̄ɾ , qt̄ɪ , t̄ɔ , ft̄ɪ и др.) – как диалектные.

Глава VI. ПОСЛЕ 1858г. ПЕРИОД ОБИЛЬНОГО ПРОНИК- НОВЕНИЯ ГАЗЕТНОГО СТИЛЯ В ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ

В 1858 г. на восточноармянском литературном языке стали выходить три периодических издания – два журнала в Москве: "Юсисапайл" ("Северное сияние") С.Назаряна, "Чраках" ("Сбор остатков урожая") Мсерьянцев и еженедельник С.Мандиняна в Тбилиси – "Мегу Айастан" ("Пчела Армении"). В том же году из Парижа в Феодосию было перенесено издание журнала "Масьяц агавни" Г.Айвазовского, продолжавшего выходить на западноармянском ашхарабаре. В этом же 1858 году вышел в свет роман Х.Абовяна "Раны Армении", и 10 лет назад исчезнувший Абовян стал одной из центральных фигур на армянской литературной арене. Каждое из указанных изданий придерживалось своего языково-стилистического направления. Язык "Мегу Айастан" был ближе всего к живой народной речи, а ашхарабар "Юсисапайла" и "Чракаха" был больше подвержен "давлению" грабара, следовательно был дальше от языка народа (причем только половина каждого номера "Чракаха" была на ашхарабаре, другая печаталась на грабаре). По сравнению со всеми этими изданиями язык "Ран Армении" был ближе всего к народному, вернее, он был написан на родном для автора араратском диалекте с некоторыми элементами литературного языка.

В этом разделе диссертации приводятся обширные выдержки из указанных трех периодических изданий на восточном ашхарабаре и из "Ран Армении", анализируются соответствующие языковые образцы. Диссертант останавливается на языковой дискуссии между "Мегу Айастани" и "Юсисапайлом", в ходе которой "Мегу" отстаивал идею сближения литературного языка с языком народа и критиковал грабаризацию языка на страницах "Юсисапайла". Это было противодействием искусственному характеру нового литературного языка.

Такой же, только более сильной оппозицией искусственности был вышедший с опозданием роман "Раны Армении", ставший главной опорой сторонников сближения литературного языка с народным. В теплой языковой атмосфере издававшихся вдали от родины газет и журналов язык "Ран" явился свежей струей живой народной речи с родины. Однако в продолжавшемся процессе формирования армянского литературного языка главную роль по-прежнему играла периодическая печать. Подобную же роль сыграли армянские учебные заведения, особенно действующие вне Армении (Лазаревская семинария в Москве, семинария Нерсисян в Тбилиси, гимназия Агабабян в Астрахани).

Периодическая печать у всех народов в какой-то мере была фактором, приносящим в язык искусственность и иноязычные языковые конструкции. В процессе развития армянского языка этот фактор сыграл большую роль. "Первоначальная" искусственность нового литературного языка, как и дальнейшее "покровительство" над ашхарабаром древнего мертвого языка являлись постоянной почвой для все большего отдаления литературного языка от народной речи. Этому в какой-то мере способствовало и то обстоятельство, что в XVIII-XIX вв. армянская общественность и культурная жизнь развивалась в городах, находящихся за пределами Армении. Для детей и юношей, обучавшихся в крупных учебных заведениях этих городов и говорящих на разных диалектах, средством общения становился междиалектный народно-разговорный язык, который развивался под сильным воздействием газетного языка, последний влиял также на язык преподавания.

На развитии восточной ветви нового армянского литературного языка в 60-х годах XIX в. особенно сильно сказались влияния "Юсисапайла" (1858-1864) С. Назаряна. Объясняется это,

по-видимому, прогрессивной направленностью журнала, наиболее любимого и популярного среди учащейся молодежи. Помимо этого, сыграло роль и то, что С. Назарян лучше других редакторов почувствовал тенденции развития восточноармянского литературного языка.

О языке "Юсисапайла" писалось много. В данной главе диссертации дается краткая характеристика языка этого журнала. В "Юсисапайле" был полностью сохранен и даже значительно увеличен груз грабарных форм в ашхарабаре. Журналом было "усыновлено" множество грабарных слов, лексических и грамматических форм: из соперничавших друг с другом синонимичных-грабарных и народно-диалектных форм ашхарабара "Юсисапайл" отдавал предпочтение грабарным. Так, например, абсолютная монополия была предоставлена грабарно-книжным формам местоимений и некоторых служебных слов (սրրա, դրրա, նրրա, նրա, սրցա, դրցա, մեր, ալս, ալդ, ալսպես, վերա, պիտտ է и пр.) и в основном отвергались их народно-диалектные эквиваленты (արա, դրա, նրա, նրանք, արանց, դրանց, մերք, էս, էդ, էսպես, վրա, պիտի и т.п.) В глагольной системе утвердилось употребление ряда мертвых форм (հասանել, գտանել, տեսանել, չէ կարելի, չէ խոսուլ, բացկցան и т.д.), в системе склонения существительных также немалое место заняли неживые грабарные формы (արարածք, մերժվորք, էպք, անվածք, գգվանց и т.д.).

Часть скопившегося в языке "Юсисапайла" грабарно-книжного балласта впоследствии выпала из литературного языка, но и многое из него утвердилось в ашхарабаре, а главное, сохранилась традиция постоянного сильного воздействия грабара на новый литературный язык.

Из всех вышеупомянутых вариантов языка периодической печати и художественной литературы историческое развитие подготовило победу склонного к грабару направления ("Юсисапайл" - "Чраках"), которое стало главным, а позднее единственным для всей восточноармянской периодической печати.

Начиная с конца 1850-х годов, армянская художественная литература превратилась как бы в придаток периодической печати в смысле содержания и языка. Актуальная информационность, публицистичность, дискуссионность, разоблачительный газет-

ный стиль периодики и обилие переводных материалов накладывали свой отпечаток на язык и стиль художественной литературы. Наряду с искусственностью языка художественной литературе стали свойственны ораторско-публицистический стиль и высокопарность. В диссертации приводятся и подвергаются языковому и стилистическому анализу отрывки из произведений наиболее видных поэтов того времени /Р.Патканяна, М.Налбандяна, С.Шах-азиза/, а также ряда других поэтов /Т.Бархударяна, М.Садатяна, А.Кучубекяна, С.Тер-Ованнисяна, М.Будагяна, Х.Степанэ, Р.Гасан-Джалаляна, Е.Саакяна и др./. Газетно-ораторский стиль и высокопарность царят не только в языке гражданской - публицистической поэзии, но и лирической, в частности - любовной.

Абовяновская оппозиция. Из приведенных в этой части исследования библиографических сведений явствует, что после опубликования "Ран Армении" большинство других произведений Абовяна вышло в свет в 1860-х годах, преимущественно в журнале "Мегу Айстаня", а также отдельными книгами. Тем самым произведения Абовяна "приняли участие" в оппозиции, которая в той или иной степени противилась все большему отдалению литературного языка от народной речи.

Разбор языка стихотворений сборника "Досукие забавы" Абовяна показал, что они не однородны по языку. Одни написаны на диалекте или на языке со значительным преобладанием диалекта, другие - с почти твердым соблюдением правил и традиций литературного языка, - впрочем, таких стихотворений мало, и они не характерны для языка сборника. Гораздо интереснее отметить, что в "Досуких забавах" преобладает в сущности глубоко насыщенный народными элементами литературный язык, который, по-видимому, сыграл более важную роль в армянской художественной литературе, чем язык "Ран", - лишь частично олитературенный диалект. Позже сторонники и поборники народности литературного языка, в том числе и Ов.Туманян, пошли по пути обогащения его элементами народной речи, а не простого копирования диалектов или частичного их олитературивания.

Даже самый верный последователь Х.Абовяна П.Прошян не придерживался диалекта на уровне "Ран Армении", его произведения больше тяготеют к литературному языку. Прошян явился одним из крупных представителей абовяновского направления, и

народным характером языка своих произведений также находился в оппозиции грабарно-книжному влиянию на литературный язык.

Новые попытки сближения литературного языка с народным.

В этой подглаве показано, что армянские литераторы - приверженцы книжно-газетного языка 1860-х годов чувствовали безжизненность и искусственность разрабатываемого ими же языка, его непригодность для создания подлинных литературных ценностей. В частности, Р.Патканян и М.Налбандян осознавали острую необходимость бороться против искусственности литературного языка, его отрыва от языка народа. В 1862 г. М.Налбандян писал: "Можно писать, пожалуй, и гладко, но она останется чуждой народу, он ее никогда и ни за что не переварит, следовательно, она и не войдет в его нравственный организм, потому что элементы этого гладкописания /!/ не взяты из живого языка, а из вековых развалин древнего, мертвого и склеены под влиянием отжившей системы, где порой хотя и слышатся фразы из живого языка, но они теряются вообще в потоке строгой системомании. В этих словах ясно, что я виню и себя, а не других только".^I

Р.Патканян не в одной только теории боролся против искусственности и безжизненности литературного языка, но делал серьезные попытки писать на народно-литературном языке, хотя эти попытки и не увенчались успехом. В итоге получилась некая бессистемная смесь языковых средств ашхарабара, грабара, восточно- и западноармянских диалектов, лишенная должной художественной обработки. Одна из причин этого, по-видимому, состоит в том, что Р.Патканян недостаточно владел тонкостями и богатством восточных диалектов, а сближение восточноармянского литературного языка с народным, как показало дальнейшее развитие языка армянской литературы, более всего должно было совершаться средствами этих диалектов; роль же западноармянских диалектов в этом случае была ограниченной. С другой стороны, произведения Р.Патканяна, написанные на его родном новонахичеванском диалекте, обладают высокими художественными достоинствами, являя собой образцы народной художественной речи.

^I М.Налбандян, Полное собрание сочинений /на арм.яз./, т. IV, Ереван, 1949, стр.191.

В диссертации цитируются те стихотворения С.Шахазиза, в которых поэт пытался сделать свой язык более народным.

Однако на путях развития языка новой армянской литературы все эти усилия остались почти незамеченными.

Попытки поэтизации литературного языка. Слова "поэтичность" и "поэтизация" используются в диссертации как особые термины, обозначающие преодоление искусственности и книжности нового армянского литературного языка не посредством дополнительных "вливаний" элементов народной речи, а его художественно-поэтической разработкой с соблюдением канонів и традиций литературной речи. Восточноармянская поэзия 1860-х годов, несмотря на свой публицистический характер, в отдельных случаях имела замечательные образцы художественно обработанного языка. Вообще средства выразительности языка поэзии того периода были примитивны, не было новаторских исканий в области художественного стиля, была слаба и не разработана стихотворная метрика и т.д. Однако среди общей поэтической серости иногда можно встретить полноценные поэтические творения с мастерским использованием троп, метафор, олицетворений и других средств выразительности. Встречаются отдельные эмоционально насыщенные стихотворения или отрывки, в которых серость и скука газетного стиля уступают место подлинному поэтическому языку. В работе приводятся примеры, подтверждающие это.

Таким образом, развитие языка армянской литературы в первое десятилетие после 1858 г. шло в направлении большей искусственности, и очень велико было влияние на него газетно-ораторского стиля. Так сформировался тот главный путь развития языка армянской литературы, который позже был назван именами его видных представителей - Назаряна, Налбандяна, Шахазиза, Патканяна. Противостояло ему языковое направление Абовяна-Прошяна, склонное к живому народному слову. В этот же период стало также очевидно, что существуют два пути преодоления искусственности и газетности нового литературного языка: первый - вливание в литературный язык все новых средств и элементов народной речи, второй - поэтизация чисто литературного языка с сохранением его традиционно сложившихся канонів.

В 1870-80-х годах в армянской общественно-культурной жизни возросла роль периодической печати, заметно увеличилось количество этих изданий. Новый литературный армянский язык больше приспособился к требованиям журналистики. Расширилась сфера применения литературного языка, и повсюду, в том числе в художественной литературе, возросло господство назаряно-шахазизовского направления развития языка, которое уже стало главным направлением развития языка армянской художественной литературы. Отклонения от этого пути уже носили индивидуальный характер и фактически становились исключениями в общепринятой традиции. Отклонения такого рода можно подразделить на два вида: 1. некоторые авторы (Сундукян, Прошян и др.) свои главные произведения писали в основном на диалекте или с заметным использованием народно-диалектной речи, нарушая тем самым уже установившуюся в литературном языке традицию, литературный же язык употребляли лишь в единичных случаях, главным образом в произведениях, не представляющих особой художественной ценности; 2. другие авторы (Иоаннисян, Цатурян, Патканян и др.) пользовались в основном принятым литературным языком, но отдельные произведения писали на диалекте или со значительным употреблением диалекта. Большинство же поэтов, прозаиков, драматургов писало на литературном языке, придерживаясь его установившихся традиций, без увлечения народно-диалектной речью.

Роль Раффи. В этом разделе делается попытка по-новому осмыслить роль Раффи на путях развития языка новой армянской литературы. Раффи, как страстный поборник национально-освободительных идей и крупный мастер патристического романа, сыграл огромную роль в армянской общественной и культурной жизни. Диссертант задается вопросом: не сделаны ли некоторые оценки языка Раффи (Лео и другими) под впечатлением чисто литературно-общественной стороны его произведений, и не заслуживают ли большего внимания высказывания тех почитателей его творчества (Патканяна и др.), которые оценивают язык Раффи более реально и трезво?

Диссертанта более всего интересует вопрос оценки языка Раффи с точки зрения преодоления писателем искусственности и газетности нового литературного языка в армянской художественной литературе. Коротко отмечается путь развития языка Раффи — от чисто "писанайловского" до языкового качества романов "Давид Бек" и "Самвел". С самого начала и до конца Раффи был представителем назаряновско-шахазизовского направления развития языка армянской литературы, решительным противником насыщения литературного языка все новыми средствами народно-диалектной речи, или стремления писать на диалекте. Раффи внес также значительный вклад в дело поэтизации языка художественной прозы. Диссертант придает важное значение языку и стилю описаний природы, в особенности пейзажей древней и средневековой Армении, а также манере Раффи описывать экзотические восточные одежды, украшения, предметы обихода и быта, так как это в сильнейшей мере способствовало поэтизации речи. Приведенные в диссертации отрывки демонстрируют колоритность, яркость языка Раффи в таких описаниях, а также в изображениях приключенческих и таинственных ситуаций. Своим опытом поэтизации литературного слова Раффи частично подготовил появление в начале XX века терьяновского языка. Роль Раффи заключалась также в том, что появившиеся после него прозаики — Мурацян, Б. Айвазян, Ширванзаде, Нар-Дос, Врт. Папазян и другие — стали на главный путь развития языка армянской литературы, не отклоняясь уже в сторону народно-диалектного направления Абовяна-Прошяна. В диссертации высказывается мнение, что каждый из этих представителей армянской прозы внес свой вклад в развитие языка и стилей художественной прозы, но тем не менее они не являлись новаторами, могущими произвести то коренное обновление языка, в котором так нуждалась армянская литература.

Несколько слов о языке произведений Г. Сундукяна. В лице Сундукяна мы имеем драматурга, который писал в основном на тбилисском диалекте. Бытовой драме более всего необходимо живое народное слово. И если бы Сундукян писал на общепринятом литературном языке, которому сильно не достает богатства народной речи, то художественная ценность его произведений не поднялась бы выше среднего уровня, и сегодня они в числе многих драматургических произведений остались бы в историческом

архиве армянской драматургии. Само творчество Сундукяна дает нам "вещественные доказательства" этого: драма "Супруги", написанная на литературном языке, звучит художественно убого рядом с такими его полнокровными произведениями, написанными на диалекте, как "Хатабала", "Разрушенный очаг", "Вечернее чихание к добру" и, особенно, шедевр армянской драматургии "Пепо".

В диссертации исследуются некоторые особенности языка и стиля "Пепо" с целью показа мастерства Сундукяна в использовании внутренней изобразительной силы и внешних художественных средств народной речи. Приведенные отрывки свидетельствуют об умелом использовании сочной и красочной народной речи, с помощью которой очерчены колоритные сцены быта старого Тбилиси, яркие человеческие характеры. Повсюду в речи персонажей ощущается основной замысел автора — конфликт благородного авторского идеала с корыстолобивым эгоизмом. Богатства народного языка особенно умело использованы Сундукяном при создании монологов Пепо: в характерных для этого героя выражениях, в общем пафосе его речи чувствуется прямота и волнующая душевная чистота героя, непримиримость ко всякой лжи и лицемерию. Сундукян доказал, что народный диалект, которым многие литераторы пренебрегли, может стать в руках подлинного художника материалом для создания произведений самого высокого искусства.

Однако, как бы высоки не были языковые и стилистические достоинства произведений Сундукяна, они не выходили за рамки одного из местных армянских диалектов, и произведения Сундукяна во многом оставались непонятными или малопонятными для большинства армянского народа (они обычно издавались с приложением словарей и с языковыми комментариями). Творчество Сундукяна не разрешало проблему языка армянской литературы (его восточной ветви), а именно: писать не на каком-нибудь местном диалекте, а на существующем литературном языке и лишь использовать языковые богатства диалектов, сблизить литературный язык с народной речью, преодолевая его искусственность.

Опыт Агаяна. Свой первый роман "Арутюн и Манвел" Агаян написал под влиянием языкового направления Абовяна и Прошяна, хотя и не был их безоговорочным последователем. В диссертации показано, что авторская речь вышедшего в 1867 г. романе явля-

ется почти литературным языком того времени, хотя и значительно облегченным от грабарного груза, присущего языку других писателей, современников Агаяна. Речь персонажей романа — нечто среднее между диалектом и литературным языком — обладая некоторыми свойствами литературного языка, в то же время в значительной мере насыщена народно-диалектными элементами. И поскольку в романе больше диалогов, чем авторской речи, создается впечатление, будто авторская речь сильно тяготеет к диалекту.

Таким образом, в прозе Агаяна язык персонажей носит абояновско-прошяновский характер, авторский же — является литературным языком, хоть и несколько отличным от языка Назаряна, Шахазиза, Налбандяна. Агаян с удивительным языковым чутьем выбрасывал из своего авторского языка те грабарные элементы, от которых в процессе развития освободился новый литературный язык (например, грабарные формы местоимений *սրբ*, *դրբ*, *նրբ*, *նրբ*, *նրբ*, *նրբ*, вспомогательное слово *սրբն է* и др.). С другой стороны, он сохранял те грабарно-книжные формы, которые позже должны были прочно утвердиться в литературном языке (например, ряд лексических форм — *սյս*, *սյն*, *սյն*, *սյոր* и т.д., форму вспомогательного глагола *է* и др.). Агаян оказался прозорливее Назаряна и при обработке авторского языка первого своего романа правильнее угадал тенденции развития восточноармянского литературного языка.

Но авторский язык Агаяна также во многом сохранял искусственность и газетность. Недостатки эти в большой мере преодолены в языке персонажей. Приведенные в диссертации примеры подтверждают народно-идиоматический характер языка героев Агаяна.

Диссертант исследовал также язык поэзии Агаяна. Приводится ряд фактов, показывающих, что поэт сумел не только сохранить центростремительный характер литературного языка, но и, тонко и ненавязчиво приближая его к народной речи, сделать свой язык живым и ярким.

Опыт Агаяна имел много поучительного, но сколько-нибудь ощутимого воздействия на язык современной ему литературы не оказал, и только в 1930-е годы с высокой оценкой этих качеств его языка выступил Д.Демирчян.

Иоаннес Иоаннисян. Вышедший в 1887 г. сборник стихотворения И.Иоаннисяна вызвал большой шум, однако исследование показало, что внесенные им языковые и стилистические новшества были незначительны. В языке сборника царит публицистическо-газетный стиль поэзии 1860-х годов, лишь в единичных стихотворениях заметны элементы народной речи, придающие некоторую живость книжному языку.

В этой части диссертации подробным анализом показано, что язык стихотворений Иоаннисяна несет в себе грабарный груз армянской поэзии 1860-х годов, хотя и несколько облегченный. Иоаннисян не избежал таких пороков, присущих армянской поэзии тех лет, как насильственное усечение слитных артиклей, произвольная перестановка слов и т.п. В языке Иоаннисяна они занимают даже более заметное место, чем у его предшественников.

"Սիրուն մանուկ քո սլիքը վառ են ինչպես այդ ծաղիկ, եվ սիրելի քո ասուլիքը նույնպես մտառը, գեղեցիկ" — подобное насильственное опущение слитного артикля, сделанное во имя сохранения ритма и под сильным пока еще влиянием грабара, играет в стихе Иоаннисяна роль общего стиля и заметно снижает художественность его стихотворного слова. В такой же роли выступают и весьма характерные для языка Иоаннисяна насильственные перестановки слов (неестественный синтаксис — "Բեզ ասի դիցուհուն չէ գոյ արժանի", "Աշխարհ, ես քո կիսվառամ վայելքին").

В диссертации на конкретных примерах показаны и другие недостатки языка поэзии Иоаннисяна — излишний пафос и высокопарность, нарушения размера и ритма, слабые рифмы и т.п.

В целом творчество Иоаннисяна является составной частью направления Назарян-Шахазиз и, разумеется, главные особенности, а также пороки этого направления присущи и языку Иоаннисяна. Но вместе с тем, в поэзии Иоаннисяна наблюдаются попытки преодоления этих недостатков. Причем совершаются они двумя вышеупомянутыми средствами — сближением с языком народа и поэтизацией речи.

Примечательна поэтическая обработка речи в рамках правил и традиций литературного языка в стихотворениях Иоаннисяна на исторические и легендарные сюжеты ("Артавазд", "Рождение Ваагна"). С помощью применения разных по характеру архаизмов поэт сумел воссоздать исторический колорит древней эпохи.

Диссертант обращает внимание на ряд специфичных словосочетаний в стихотворениях Иоаннисяна, которые в армянской стихотворной речи явились свежим элементом поэтизации языка и предзнаменованием нового периода развития армянской поэзии, связанного с именем В.Теряна.

Свернув с избранного им пути, Иоаннисян написал также небольшой цикл стихотворений на народно-диалектном языке, в который, по мнению диссертанта, входят лучшие произведения поэта ("Араз течет", "Весна", "Ашуг", "Алагяз - высокая гора" и др.). Стихи эти написаны преимущественно при гармоническом сочетании литературного языка и диалекта, однако с преобладанием диалекта, а иногда и просто на диалекте.

В конце раздела дается обзор взглядов Иоаннисяна на вопросы развития языка армянской литературы. Раздумья поэта связаны главным образом с искусственностью литературного языка и способами преодоления ее. По мнению Иоаннисяна, живой народный язык "должен онабжать свежей кровью высохшие вены нашего малокровного литературного языка"¹. К этому заключению Иоаннисян пришел слишком поздно, когда именно таким "малокровным" языком уже была создана основная часть его поэзии.

Александр Цатурян. А.Цатурян был современником и ровесником Иоаннисяна, почти одновременно с ним вступившим на литературную арену. Помимо этого "внешнего" биографического сходства, у поэтов имеется и творческая общность. Она особенно очевидна с точки зрения роли, сыгранной этими поэтами в развитии языка армянской поэзии: оба они являются представителями назаряновско-шахазизовского языкового направления со всеми присущими этому направлению недостатками. Оба поэта прибегали к двум главным способам преодоления этих недостатков - и к поэтизации литературного языка, и к сближению его с народной речью. На конкретных примерах показаны признаки искусственности языка Цатуряна - его грабаровский груз, насильственное опущение артиклей, произвольные перестановки слов и т.п.

Отмечаются различия в языке и стиле Иоаннисяна и Цатуряна, далее рассматриваются стихотворения поэта, написанные диа-

¹ И. Иоаннисян, Собрание сочинений, т.3, Ереван, 1965, стр.62 (на арм.яз.)

лектно-народным языком (цикл "Из песен ашуга"), а также вопросы, связанные с успехами Цатуряна в поэтизации литературного языка своих стихотворений.

Глава УШ. КЛАССИЧЕСКОЕ ОБОГАЩЕНИЕ ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДНОЙ РЕЧЬЮ

Язык произведений Ованеса Туманяна. Ов.Туманян явился самым крупным представителем абовяновско-прошяновского направления развития языка восточноармянской литературы, величайшим мастером и самым последовательным теоретиком народности литературного языка.

В начале этой главы отмечается, что в 1880-90-х годах у Туманяна еще не была оформлена его теория коренного сближения литературного языка с народным. В этот период он писал свои стихи и прозу как на чистом литературном языке того времени, с сохранением традиционной искусственности этого языка, так и на народно-литературном языке, а иногда и на родном лориском диалекте. В 90-х годах творчество Туманяна все больше тяготеет к чисто литературному языку, хотя в последние годы этого десятилетия поэт больше склоняется к обильному использованию народной речи, а уже в начале 900-х годов окончательно складывается как народный характер языка Туманяна, так и вся целостная система его теоретических взглядов о народности литературы и ее языка.

В диссертации на фактическом материале прослеживается развитие языка Туманяна, начиная с 1880-х годов. Первоначальные варианты поэм "Ануш", "Сако из Лори" и "Маро" (1890-х годов) сравниваются с вариантами 1903 г. и в этой связи анализируется кропотливая работа Туманяна над совершенствованием языка поэм, причем главное в этой работе заключалось в освобождении от искусственности, безжизненности литературного языка путем замены в нем многих принятых слов и форм народно-диалектными и вообще вливанием в литературный язык народного языкового мышления.

Анализ показывает, что языку стихотворений, написанных Туманяном в соответствии с принятыми нормами литературного языка периода до 1900-х гг., присущи все общие недостатки направления Назарян-Шахазиз-Иоаннисян. И все же даже в этих стихотворениях, по сравнению с другими поэтами, у Туманяна народные элементы заметнее. В 900-х годах оформился и окреп высоко-

художественный народный язык Туманяна, на котором были созданы произведения, составившие венец новой армянской литературы. В диссертации сделана попытка показать элементы, обусловившие силу и изобразительное богатство языка Туманяна. Диссертант отвергает мнения, согласно которым использование народных слов и лексических форм не играет роли в оформлении народного характера туманяновского языка. Показано, что сущность туманяновского языка складывается из множества компонентов и факторов, из которых главные – народный характер словоупотребления, идиоматичность и сжатость языка, обильное употребление народных поговорок и пословиц и, наконец, подчас неувольнимые основы народного языкового мышления. В частности, на основании данных лингвистической статистики классического уровня туманяновского языка рассмотрен вопрос преобладания в нем характерных рядов народно-диалектных лексических форм (таких, как, например, *tu*, *tu*, *tu* и т.д.). Помимо вышеупомянутых поэм, языковому и стилистическому анализу подвергнут также ряд других произведений, в том числе поэма "Давид Сасунский" и четверостишия. На основании фактов опровергается мнение, будто в философских четверостишиях Туманян отошел от народного характера своего языка к принятым нормам литературного языка. Четверостишия написаны также народным туманяновским языком, и это яркое доказательство того, что при умелом использовании народной речи можно создавать насыщенные глубоким философским содержанием поэтические произведения.

Туманян явился не только самым видным поэтом абовяновского направления языка армянской литературы, но и последним крупным его представителем. После Туманяна это направление имело лишь несколько талантливых представителей (и то, главным образом, в детской литературе – А.Хнкоян, А.Айрапетян), отступив перед главным направлением языка армянской литературы, особенно после появления на арене величайшего новатора в этой области – Ваана Теряна. Несмотря на это, туманяновский язык оказал весьма сильное воздействие на дальнейшее развитие языка армянской литературы. Причина заключалась в огромной популярности произведений Туманяна. Туманян стал автором, сопровождающим армянина с первых детских шагов до старости, его произведения поются и декламируются повсюду, они звучат со сцен драмати-

ческих и оперных театров, становятся кинокартинами. Из произведений Туманяна проникло в разговорный и литературный армянский язык множество выражений, слов, имен, заглавий, они стали неотъемлемой частью активного лексического фонда армянского языка, использовались в художественных произведениях, наложив свой отпечаток на их язык.

Теоретические взгляды Туманяна по вопросам языка. В этом разделе представлены взгляды Туманяна на роль языка вообще, и, в частности, национального языка в культурной жизни народа и в самосохранении нации.

Исследователи, основываясь на том или ином высказывании поэта, не совсем верно трактовали всю целостную систему его воззрений на вопросы языка. Например, как показало исследование диссертанта, под термином литературный язык Туманян понимал главным образом язык художественной литературы или, вернее, употребление литературного языка в области художественной литературы. Туманяна живо интересовали главным образом художественно-эстетические особенности языка. При оценке нового армянского литературного языка он руководствовался критериями поэта-художника. Иначе говоря, Туманян отвергал новый литературный язык, в основном имея в виду образцы его применения в качестве языка художественной литературы, но не языка науки или публицистики. Неоднократно он писал, что не существует армянского литературного языка и что он еще должен сформироваться. Подобные высказывания зачастую приводились в исследованиях как пример того, что писатель отрицал само существование нового армянского литературного языка. Диссертант приводит мысли и высказывания Туманяна, которые показывают истинное отношение поэта к литературному языку, существование которого он не отрицал и не мог отрицать и которым сам пользовался. Однако, по мнению Туманяна, этот язык, в его традиционном облике, был непригоден для создания высокохудожественных произведений. "Это ничтожный набор жалких и бедных, неверных и ложных слов, нанизанных друг на друга, будто бусы на нитку, который по несчастному стечению обстоятельств навязан армянскому народу людьми, не знающими армянского языка"¹, – это одна из

¹ Ов.Туманян, Собр.соч., т.6, 1959, стр. 160 (на арм.яз.).

многих резко отрицательных характеристик, данных Туманяном армянскому литературному языку. Нетрудно заметить, что отрицается не существование самого этого языка, а его художественно-эстетические возможности и что это оценка, данная с точки зрения писателя-художника. По другим поводам Туманян называл новый литературный язык "сухим", "безжизненным и лишенным идиоматичности", "искусственным", "мертвым набором слов" и т.д. Так Туманян со своих эстетических позиций отрицал уже принятое традиционное употребление в художественной литературе нового литературного языка. Идеал художественного слова он видел в народном языке: поэт не раз высказывался в том смысле, что в художественных произведениях надо предоставить большое место диалектной речи, поскольку каждый диалект является, по его словам, "живым и сочным языком, духом, душой". "Благороден и прекрасен живой язык живого народа, имеющий необъятное богатство выражений и форм, которые он собрал в течение тысячелетий из тысячи сокровищниц, сохранил, развил, обогатил, вложил в него дух и образы, настроения и чувства"¹. Туманян выступил против назаряновско-шахазизовского направления, вернее, он восстал против этого магистрального пути развития языка армянской литературы, отверг его как теоретически, так и практически своим творчеством.

Далее диссертант пытается внести ясность в такие спорные вопросы, каким является отношение Туманяна к употреблению иноязычных слов, его воззрения на особенности армянских диалектов и пр. Показано, что во всех этих вопросах писатель придерживался исходной точки зрения о народности языка.

В конце XIX и начале XX века развитие новой армянской литературы достигло рубежа, перейти который она смогла бы лишь преодолев искусственность, безжизненность литературного языка. Классический пример такого преодоления в направлении сближения с народным языком дал Ов.Туманян. Неверно было бы считать кредо Туманяна о народности языка самоцелью, цель была ясна — поднять армянскую художественную литературу до уровня мировых образцов.

¹ Св. Туманян, Собр.соч., т.6, 1959, стр.160 (на арм.яз.)

Аветик Исаакян. В первых же стихотворениях, опубликованных Ав.Исаакяном в начале 1890-х годов, стали заметны две тенденции его творчества: первая и преобладающая — творить на диалекте или на глубоко народном литературном языке, вторая, вначале выраженная слабее — писать на литературном языке Шахазиза-Иоаннисяна. В диссертации проанализирован язык ранних произведений Исаакяна, когда в народной лире поэта преобладал родной ширакский диалект, зачастую сплетающийся с литературным восточноармянским.

В этом разделе речь идет о главной особенности языка и стиля народных стихотворений Исаакяна: непосредственность передачи чувств простым, незатейливым словом народа. Стихотворения этого периода как по языку, так и содержанию близки крестьянскому и ремесленническому сословиям Ширака, и в переложении на народные мелодии они пелись ими.

Параллельно на народном и чисто литературном языках Исаакян писал до 1908-1910 гг., после чего явный перевес получил второй: поэт почти совсем отказался от Абовян-туманяновского направления и стал одним из представителей Назарян-Шахазиз-иоаннисяновского главного пути. Основными причинами этого диссертант считает две: а) поэт почувствовал, что стихотворения, написанные на ширакском наречии, не получают общепризнания, а насыщенность литературного восточноармянского языка элементами западноармянского диалекта Ширака не даст нужного художественного эффекта и, кроме того, он видел, что обработанный им вариант народного языка не дает возможности выйти за рамки местных народно-лирических тем; б) языковой переворот, произведенный в 1908 году появлением "Грез сумерек" В.Теряна, благодаря которому в армянской поэзии окончательно победило совершенно обновленное направление Назаряна-Шахазиза-Иоаннисяна, решил колебания Исаакяна в пользу последнего. Разумеется, до того им были созданы на народном языке такие шедевры новой армянской поэзии, как "Извивается дорога", "Ах сбился я с моей дороги", "Черные мрачные тучи сошлись", "Матери", "Пахарь", "Плач мое горе", "Полюбил я — отняли яр", "Бянгел" и др. Перейдя на чисто литературный язык, поэт написал такие прекрасные произведения, как поэма "Абу-яла Маари", баллада "Вечная любовь", рассказ "Лилит" и др.

Судя по опубликованному литературному наследию Исаакяна, у него не было теоретически сформированной целостной системы языково-эстетических воззрений, как у Туманяна и Теряна, и он публично так страстно не отстаивал те или иные языковые или стилистические принципы. О таких принципах Исаакяна можно судить лишь по его поэтическому творчеству.

Глава IX. КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭТИЗАЦИЯ АРМЯНСКОГО
СТИХОТВОРНОГО ЯЗЫКА. ЯЗЫКОВОЕ ИСКУССТВО
ТЕРЯНА

В художественной литературе преодоление искусственности нового литературного языка путем поэтизации речи (без добавочного использования элементов народно-диалектного слова), по-видимому, началось на заре формирования ашхарабара. В ашхарабаре книги Ованеса Олова "Толкование", где грабарно-книжные компоненты довольно значительны, уже можно заметить те зачатки поэтизации речи, которые, развившись, должны были сыграть решающую роль в обновлении языка новой армянской поэзии в начале XX века. В это дело внесли вклад и другие писатели, шаг за шагом подготовившие появление В.Теряна. Кроме уже упомянутых авторов, значительны в этом заслуги Ов.Масегяна, армянского переводчика Шекспира.

Ваан Терян был самым крупным представителем Назарян-Шахазиз-иоаннисяновского направления в том смысле, что, творя на чисто литературном языке, почти полностью отказавшись от имеющегося опыта использования народного языка, смог создать высокохудожественное слово, полностью свободное от искусственности, газетности и других уже упомянутых пороков нового литературного языка. Терян поднял армянский стихотворный язык на качественно новую ступень, он смог отыскать в "сухом", "безжизненном", "не поэтичном" языке выразительные средства огромной силы, оставшиеся незамеченными для многих, и мастерски их использовать. Это явилось крупнейшим переворотом во всей истории развития языка новой армянской литературы, благодаря которому воспринял полумертвый язык целой литературы и, по определению Туманяна, было положено начало совершенно новому периоду в армянской литературе. Переворот этот произошел, казалось, внезапно, сразу, с первой же книги поэта "Грезы су-

мерек", опубликованной в 1908 году.

Исследование показывает, что уже первые стихотворения В.Теряна /"Элегия", "Незнакомой девушке", "Прощание", "Невысказанные грустные слова", "Нет, уйдите, молю, от могилы моей"/, написанные им в 1903-1904 гг., обладали главными особенностями его языка. Однако в этот же период молодой поэт увлекался также получившей в то время распространение народной поэзией Туманяна и Исаакяна и стал писать стихотворения, насыщенные элементами родного джавахского диалекта. Из этих стихотворений сохранилось два - "Град пошел" и "Горы и ущелья надели зеленый наряд" - впрочем, в языке некоторых других ранних его произведений также наблюдается влияние народности языка туманяновского направления. Однако этот путь был чужд таланту Теряна так же, как таланту Туманяна не подходил язык шахазизовско-иоаннисяновского направления. И подобно последнему, Терян отбрасывает в сторону нехарактерный для его дарования язык.

В истории многовековой армянской литературы ни один литературный дебют не оставлял на читателей столь сильного впечатления, не воздействовал на язык поэзии и его дальнейшее развитие так, как "Грезы сумерек". Эта небольшая книжка, состоящая из 72 лирических стихотворений, быстро завоевала сердца молодежи, оставив на некоторое время в тени самых известных поэтов, и наложила свой языковой и стилиевой отпечаток на сочинения всех последующих восточноармянских поэтов. По словам критика Ц.Ханзадяна, после "Грез сумерек" вся армянская поэзия погрузилась в сумерки¹.

Язык "Грез сумерек" проанализирован в диссертации на трех уровнях: а/лексикки и словоупотребления, б/словосочетаний, в/ предложения. Анализ на уровне лексикки и словоупотребления проведен с помощью синхронного словаря "Грезы сумерек", составленного диссертантом. В "Грезах" 979 слов, 4363 словоупотребления. В диссертации все слова подразделены на две главные группы: слова, которые употреблялись 7 раз и более, условно названы наиболее употребительными; так же условно названы малоупотребительными слова, которые употреблялись 6

¹ Сборник армянской литературы, Петроград, 1916, стр.СП

раз и менее. В свою очередь, наиболее употребительные слова разделены на 3 подгруппы: использованные 198-258 раз, 16-87 и 7-15 раз. В наиболее употребительных словах выделено несколько смысловых-эмоциональных групп, от них отделены эмоционально нейтральные слова. Благодаря такой классификации стало возможным выявить слой специфично терьяновских слов, а также определить само понятие "терьяновские слова".

В научной литературе не раз говорилось о "терьяновских словах". Некоторые исследователи терьяновскими считали слова, якобы составленные самим поэтом /например, такие как *սիւնի* - *հանդերձ*, *փառքընչ*, *հողմալոն* и т.д./. В диссертации показано, что часть приведенных исследователями таких слов не была составлена Теряном, - они в армянском языке существовали и до него, а некоторые употреблялись начиная с У века.

В работе приведены также те слова из языка "Грез", которые, возможно, действительно составлены Теряном /все они отсутствуют в дотерьяновских словарях, синхронных картотеках по языку ряда писателей и других источниках, проверенных диссертантом/, однако, по мнению автора работы, не они составляют основную прослойку терьяновских слов. Исследование приводит к выводу, что терьяновским может считаться тот лексический слой, который хотя и состоит в основном из давно употреблявшихся в армянском языке слов, однако является главным носителем наиболее характерных для творчества Теряна настроений, эмоций и дум. Относясь к наиболее употребительным в "Грезах" словам, они нередко представлены множеством синонимов.

В словаре "Грез сумерек" в числе условно считающихся наиболее употребительными самая большая группа со смысловой и эмоциональной точек зрения выражает печаль, грусть, скорбь, стремление к уединению. Сюда входят такие слова, как *սիւնի* /печальный, грустный/, *սրտու* /грустный/, *մոռնալ* /забыть/, *հեռնալ* /уйти, отдалиться/, *մեղմել* /умереть/, *մահ* /смерть/, *սանձանք* /страдание/, *լալ* /плакать/ и др. Например, слово *սիւնի* употреблено 37 раз /вместе с синонимами - 68 раз/, в то время как его антоним *սրտի* /веселый/- ни разу. Только один раз этот корень /*սրտի*/ употребляется в "Грезах", да и то в слове

սրտի /веселый/, опять-таки являющемся синонимом слова *սիւնի*. К этой группе примыкают слова, обозначающие мечтание неопределенность, а также слово *երեկո* /вечер/ со всеми синонимами: *վերջալույս*, *իրիկամամ*, *իրիկամուտ*, *իրիկանակ*, *իրիկու*, *միջառ* и прочие, все вместе употребляемыми 57 раз и занимающими в "Грезах сумерек" как бы центральное место /"вечер" в произведениях Теряна является символом избавления от тяжелых душевных мук, а также, по выражению самого поэта, "тихой радости" или "радостной грусти"/. В диссертации представлен ряд других характерных терьяновских групп слов /таковы, например, группы, выражающие бесконечность, вечность, а также нежность/.

На множестве примеров показано, что в "Грезах сумерек" характерные терьяновские слова в речевой среде употреблены с утверждением их лексического значения, в то время как слова, выражающие или символизирующие радость, веселье, бодрость /например: *երկո*, *ժպտալ*, *գորուն*, *սրջալույս*/ в контексте способствуют утверждению противоположных настроений, т.е. в речевой среде отрицается их лексическое значение, как, например: "*իրիկո մեռալ*" /"Радость умерла"/, "*հմ հոգու համար չկա սրջալույս*" /"Нет рассвета для моей души"/, "*հմ շոյող ոչ մի շոյ չի ժպտալ*" /"Мне не улыбнется ни один ласкающий луч"/ и т.д.

В работе выделены также те характерные с точки зрения словообразования слова, к которым поэт имел склонность, в частности, значителен выбор слов с префиксом *սի* /без, не/, как, например: *սևամբ* /неутешимый/, *սևադուլ* /бесшумный/, *սևազան* /несвободный/, *սևեզ* /безграничный, бесконечный/, и с суффиксом *ու* /*հոգու*, *սուլու*, *մոռացու*, *արնու* и т.д./. Сделана попытка выяснить причину обращения Теряна к словам такой структуры. Далее в качестве примера слов с характерным для "Грез" звучанием согласных приведена лексическая группа с шипящим *չ* /ш/. Этих слов 62 /275 употреблений/, они являются главным элементом аллитерации, столь характерной для многих стихотворений "Грез сумерек".

Одной из важных особенностей словарного состава "Грез" является его строго литературный характер, отсутствие в нем диалектизмов. Впрочем, несколько слов диалектного происхожде-

ния /например, լիւսշող, իրիկուն, իրիկնամուտ, լուսերես / в "Грезях" применены так мастерски, своеобразно по-терьяновски, что получили строго литературное звучание, несколько же других, сохранивших диалектный оттенок слов при обработке поэтом стихотворений были опущены.

Анализ языка "Грез" на уровне словосочетаний начинается характеристикой сочетаний эпитетов с определенными словами, выделяется система эпитетов, присущих языку Теряна. Внимание уделено отражению положительного или отрицательного отношения лирического героя /поэта/ к содержанию различных эпитетов. Приведен ряд эпитетных сочетаний, являвшихся новостью в армянской художественной речи, например, употребление некоторых специфичных метафорно-переносных и антонимичных /катахрез/ эпитетов, как լուսաշող մուկ, լուսաշունչ մուկ, անկու գրույց, անկու անկույթ, բարձր զիշտ и т.д. Приведена также характерная для языка Теряна группа эпитетов, выраженная действительными: երազ տեր, անուրջ բախտ, ցած կյանք и т.д.

С целью анализа на уровне предложения выделено несколько групп предложений, способствующих своеобразию терьяновского стиля; диссертант подробно останавливается на характерных употреблениях безличных предложений /глагольных и именных/. При исследовании языка "Грез" на уровнях словосочетаний и предложений приведен также ряд других средств художественной выразительности, свойственных языку Теряна.

В отдельном разделе /"Некоторые черты поэтического дара Теряна"/ сделана попытка обнаружить те особенности таланта поэта, благодаря которым армянская речь приобрела совершенно новое звучание и художественное качество и вышла из тупика безжизненного шахазизовского стихотворного языка. Для определения этих особенностей таланта Теряна, кроме стихотворений, использованы также письма поэта, в частности его "тайные" письма сестрам Мискарян.

Символизм и язык Теряна. В этом разделе подвергнут разбору вопрос связи Теряна с поэзией символистов. Выказано мнение, что "Грезы сумерек" являются выражением символизма в армянской поэзии. Чтобы показать связь Теряна с поэзией символистов, диссертант основывается на ряде очевидных общностей между стилем Теряна и стилем западноевропейских и русских сим-

волистов, а также на высказываниях в письмах, статьях поэта, показывающих, насколько он любил и высоко ценил поэзию французских и русских символистов. Исследователями уже отмечен ряд общностей между поэзией Теряна и западноевропейских символистов /главным образом в области средств выразительности/, при этом иногда отмечалась явная общность между стихами Теряна и таких западноевропейских поэтов-символистов, с сочинениями которых Терян не мог быть знаком. Следовательно, в данном случае речь идет не о влиянии на Теряна того или иного поэта, а о наличии общего стиля символизма, об использовании Теряном средств выразительности этого течения. Исследование фактов показывает, что поэзия Теряна, имея много общего с символизмом в области поэтики и стиля, в то же время по содержанию и использованию сугубо национальных элементов и средств армянского языка резко отличается от произведений любого западного символиста, является весьма оригинальной, не повторяющей и неповторимой.

Обновленные "Грезы": Переработанный вариант "Грез сумерек" был опубликован в 1912 году в сборнике Теряна "Стихотворения". Сравнивая оба варианта, диссертант старался выяснить сущность переработки. Последняя в основном сводится к тому, чтобы сделать стихотворную речь цикла еще более специфичной - терьяновской. Обилие приведенных примеров делает очевидным, что дальнейшая терьянизация стиля и языка стихотворений фактически приводит к повышению их художественной ценности.

После "Грез": В этом разделе показано все характерно новое в стиле и языке, а также в настроениях поэта, нашедшее место в стихотворениях, написанных после "Грез сумерек". Терьяновский стихотворный стиль был найден поэтом в "Грезях сумерек" и в основном сохранился в дальнейшем его творчестве, не претерпев больших изменений. Тем не менее, в следующих за "Грезами" циклах /"Ночи и воспоминания", "Золотая сказка", "Золотая цепь", "Страна Наири, " Терновый венец"/ и множестве других стихотворений терьяновский язык приобрел новые выражения, расширились и обогатились его специфично-лексический слой и словоупотребление, появились новые образы, вообще были выявлены новые выразительные средства армянского языка, в которых воплотилась эволюция настроений и дум поэта. В данном разделе

охарактеризовано это новое, а также показаны особенности воплощения в языке и стиле Теряна некоторых лейтмотивов его поэзии, в частности, темы любви, гуманизма, грусти.

Следующий раздел данной главы посвящен вопросу языковых особенностей поэтической школы, вызванной к жизни поэзией Теряна. Ни у одного армянского поэта не существовало так много последователей, как у Теряна. После опубликования "Грез сумерек" теряновский стиль воцарился в восточноармянской поэзии, литературные сборники, всю периодическую печать наводнили стихотворения, написанные в стиле Теряна, первые книги стихов начинающих поэтов были полны подражаний ему. Сильное влияние теряновского слова на армянскую поэзию сохранилось до 1930-40 годов.

В диссертации исследован язык произведений некоторых последователей Теряна, в частности, С. Мовсисяна, А. Тер-Мартirosяна, Г. Африкяна, Менуи, И. Исаакяна. Среди последователей были и поэты талантливые; новый стихотворный стиль Теряна зачастую способствовал выявлению их дарования, но иногда действие его бывало настолько сильным, что подавляло индивидуальность поэтов, и на свет появлялись стереотипные стихи с одними и теми же образами, выражениями и словоупотреблениями. Лишь немногим из множества последователей Теряна удалось преодолеть "давление" стиля Теряна и выработать свою собственную поэтическую манеру. Самым выдающимся из них был Егише Чаренц.

Сфера теоретических воззрений. Будучи одним из представителей главного Назарян-Паткян-иоаннисяновского направления развития языка армянской литературы, Терян одновременно был строгим критиком важнейших идейно-художественных особенностей, а также и языка этого направления, определяя последний как "полумертвый", "безжизненный". В новой армянской литературе Терян выше всего оценивал авторов противоположного, народного направления: Абовяна, Сундукяна, Туманяна и народную лиру Исаакяна. Особенно выделял Терян Туманяна, считая его совершенно новым явлением в армянской художественной литературе, ее недостижимой вершиной. В то же время поэт отмечал, что народное языковое направление является отклонением от основного пути, носит центробежный характер и осуждено историей

на смерть. Каким бы безжизненным, бескровным не являлся язык шахазизовско-иоаннисяновского направления, будущее армянской литературы, по глубокому убеждению Теряна, нужно было связывать с ним, обогатить, оживить этот язык, вдохнуть в него новую жизненную силу. Сейчас уже очевидно, что предвидения Теряна в целом оправдались, развитие языка по предсказанному им пути, а "безжизненный" язык этого направления ожил и расцвел прежде всего и более всего благодаря творчеству самого Теряна. С появлением Теряна стало ясно, что окончательно победило это направление.

В данном разделе диссертации подробно разобран известный доклад Теряна "Грядущий день армянской литературы", ставший предметом самых противоречивых трактовок. Диссертант делает попытку показать кажущиеся и реальные противоречия доклада, а также выявить его главную идею. Главным условием выхода армянской литературы на широкий путь развития Терян считал освобождение ее от узконациональных идейных рамок и, одновременно, обогащение ее языка, как основного носителя национальной специфики.

Туманян и Терян. Туманян и Терян были двумя крупнейшими вершинами в новой армянской /восточной/ литературе. Вместе с тем, с точки зрения языка - это противостоящие вершины, самые значительные поэты и наиболее последовательные теоретики двух противоположных направлений развития восточной ветви языка армянской литературы. После них направления эти стали называться туманяновским и теряновским.

Обобщая серьезные различия, подчас противоположности в языке и стиле обоих поэтов, диссертант отмечает и ряд различий иного порядка и пытается показать духовную общность поэтов, скрытую за всеми этими различиями. Она состоит в присутствии им обоих своеобразного гуманизма, всеобъемлющей любви. Приводится множество примеров из произведений обоих поэтов с целью более правильного определения сущности этого родства. Становится очевидным, что писатели, занимающие по языку, стилю и ряду других литературных признаков противоположные позиции, могут по весьма важному признаку содержания произведений быть друг к другу ближе, чем какие-либо два других представителя одного и того же направления.

В конце главы отмечается, что глубокие различия между языком и стилем Туманяна и Теряна внесли большое разнообразие и, следовательно, обогатили язык новой армянской литературы, расширили, сделали более емкой всю систему его выразительных средств.

Глава X. ПОСЛЕ ТУМАНЯНА И ТЕРЯНА

Путь развития языка Е. Чаренца. Перефразируя знаменитое выражение Ф. Достоевского "Все мы вышли из гоголевской шинели", для характеристики послетеряновской восточноармянской поэзии, можно сказать, что вся она родилась из теряновских сумерек. Это определение относится /быть может, более чем к другим/ и к Егиге Чаренцу.

Первое опубликованное стихотворение Чаренца /1912 г./ написано им под сильным юношеским впечатлением первой же страницы "Грез сумерек" - стихотворения "Грусть". И вообще на всем творчестве Чаренца 1910-х годов лежит явная печать теряновского слова. Первый сборник поэта "Три песни печально-бледной девы" по языку и стилю является теряновским, начиная со слова в заглавии - Գրեցի ինձ /печально-бледная/, которое впервые ввел Терян, кончая употреблением множества словосочетаний и выражений в теряновском стиле. В диссертации приведены отрывки из стихотворений поэта 1910-х гг., носящих явный отпечаток языка Теряна. Вместе с тем, чувствуется, что еще в 1910-х гг. "теряновский облик" языка Чаренца где-то своеобразен и отличается от "неподвижности" языка многих подражателей Теряна. В последующих сборниках Чаренца все еще сохраняется явное влияние теряновского слова, но постепенно становится ярче и индивидуальность чаренцовского стиля, пока, наконец, в цикле "Пылающее пламя", написанном поэтом в 1918-20 гг., становится совершенно очевидным новое и самобытное в языке Чаренца. Это заметно как в выборе слов и словосочетаний, так и на уровнях предложения и речи в целом. Одно только употребление таких слов и словосочетаний, как Գրեցիքը, Կարմիր մորմոք, Կարմիր մի հոգ, հրե մի սյուր, հրաշքը, արյունահեղ հորիզոնը, հրե մի մարդ и других подобных им, является признаком того нового чаренцовского стиля, который господствовал также в поэмах "Неистовые толпы" и "Сома". В 1920-х гг. язык Чаренца

достиг новой ступени развития, выразившейся во "Всепоэме", "Чаренцнаме", "Ленине и Али", "Хмбапете Шаварше" и других произведениях, кульминационной точкой которой явился сборник "Эпический рассвет", ставший также началом следующего, можно сказать, третьего периода развития языка Чаренца, лучшее выражение которого находим в "Книге пути". Но, видимо, существует и четвертый период развития языка Чаренца, быть может, наиболее художественно емкий, сильный своими выразительными средствами, - это язык произведений, созданных в 1935-37 гг. после "Книги путей".

С самого начала Чаренц стал на магистральный путь развития языка армянской литературы, т.е. был представителем направления Назарян-Патканян-Шахазиз-Иоаннисян-Терян. До конца своего творчества поэт оставался приверженцем этого направления и теоретически защищал его принципы. В 1920-е годы он несколько отклонился от него в сторону диалектности /"История пахаря Сако", "Песня о народе", "Сельская баллада", "Кавказ" и др./, доходящей порой до примитивизма и вульгарности в языке, что в какой-то мере было падением на языковом пути поэта. В "Тагаране" /"Песеннике"/ отклонение было иного порядка, - здесь Чаренц стилизовал свой язык под армянское гусанское творчество, зачастую очень талантливо. Однако все эти отклонения носили частный и временный характер.

Произведения Чаренца 1930-х годов по своим языковым и стилистическим особенностям сыграли значительную роль и положили, по существу, начало новой фазе развития языка армянской поэзии. Чаренц обнаружил в чисто литературном языке новые возможности, в частности, для создания крупных поэтических полотен. Тенденция стиля Теряна к все большей изысканности, утонченности, по видимому, в какой-то мере ограничивала такие возможности.

В конце этого раздела представлены взгляды Чаренца на проблемы развития языка армянской литературы, в частности, на вопросы, связанные с его двумя противоположными направлениями. Разбираются высказывания поэта об особенностях языка его предшественников, главным образом Туманяна и Теряна. Диссертант пытается выяснить, что является ценным в этих, подчас противоречивых мыслях поэта и что в них неубедительно. Во время дискуссии по вопросам языка в 30-х годах поэт стремился доказать

историческую перспективность шахазизовско-терьяновского направления и обреченность противоположного пути. Вместе с тем, Чаренц как поэт-новатор отстаивал свои собственные принципиальные позиции в вопросах языка и стиля поэзии.

Две главные особенности языка Бакунца. Диссертант в основном согласен с точкой зрения В.Теряна о том, что если в конце XIX и начале XX веков армянская поэзия достигла высокого художественного уровня, то армянская проза в целом осталась позади и во многих своих проявлениях была довольно примитивна.

В первые два десятилетия XX века в восточноармянской прозе было несколько ярких вспышек, это ряд высокохудожественных произведений в прозе крупных поэтов – Туманяна, Исаакяна, Чаренца. А в целом проза страдала ограниченностью, поверхностностью замыслов, а также всеми серьезными недостатками искусственно-газетного языка. Заметный перелом начался с середины 1920-х годов, когда в печати стали появляться очерки и рассказы Акселя Бакунца и особенно, когда в 1927 г. был опубликован сборник его рассказов "Мтнадзор" /"Темное ущелье"/. Бакунец явился крупным новатором в области языка и стиля армянской прозы. Его рассказы, отрывки из романов и повестей, опубликованные в период от середины 1920-х до середины 1930-х гг., внесли перелом в армянскую прозу, сразу подняв ее до уровня мировой художественной прозы. Вообще одной из главных особенностей творчества Бакунца является высокая языковая обработанность, культура, а также те стилистические особенности, совокупность которых получила название нового стиля в прозе и положила начало целой школе в армянской литературе.

В диссертации исследованы две главные особенности творчества Бакунца – поэтичность и народность /в данном случае термины "поэтичность" и "народность" также употреблены в указанном выше значении/.

Проза Бакунца отличается лиризмом, глубокой внутренней эмоциональностью, важным языковым и стилистическим проявлением которого является поэтичность языка. В этом разделе разбираются те языковые и стилистические факторы, которые слово Бакунца делает поэтичным. Главные из них следующие: сжатость речи, часто ритмичность прозы, повторы слов и предложений, инвер-

сия эпитетов, употребление форм настоящего времени глагола при описаниях давно отошедших в прошлое событий, частое приращение безличных предложений и т.д. Для иллюстрации этих особенностей даны примеры из произведений писателя.

Народность языка Бакунца также обусловлена содержанием его произведений. Бакунец является певцом армянской деревни, на фоне яркой природы родного края писатель изображает разнообразные характеры армянских крестьян, выявляет их духовное богатство. Бакунцу близки и любимы его герои-крестьяне, их думы, мечты, быт, их язык – армянская народная речь.

Народность языка Бакунца исследуется на двух уровнях: на уровне авторской речи и языка героев.

В первом случае речь насыщена народными элементами сравнительно сдержаннее, во втором – она народна в гораздо большей степени. Народность языка в произведениях Бакунца выражается классическими методами – с использованием многих разговорно-диалектных слов, идиом, выражений, синтаксических конструкций и т.д., а также построением всего повествования на основе народного мышления. В разделе, посвященном лексике, помимо исследования применения Бакунцем разнообразных народно-диалектных слов, речь идет также об обильном использовании множества личных имен, в том числе прозвищ диалектного происхождения. Важной чертой авторского стиля Бакунца является постоянное ощущение в нем армянского крестьянина, его мировоззрения, его речи. В диссертации при помощи анализа образцов бакунцевской речи сделана попытка показать тот тонкий, высокохудожественный синтез грабарных и диалектных языковых средств, который также является важной чертой творчества писателя.

В связи с языком персонажей отмечается, что в произведениях Бакунца есть герои, говорящие на разных диалектах, и в каждом случае благодаря умелой авторской обработке сохранились некоторые тонкости данного диалекта и живописность народной речи. Весьма важной является также достигнутая писателем гармония между языком героев и авторской речью, отсутствие которой ощущалось в добакунцевской армянской прозе.

Таким образом, главные факторы художественности слова двух направлений развития языка армянской литературы /восточ-

ной/ - народность и поэтизация речи получили классическое отражение в творчестве Бакунца. Они гармонически слились, сплелись в произведениях писателя. Язык его в одинаковой мере можно отнести и к туманяновскому и к теряновскому направлениям, а точнее, - он является творческим сплавом этих двух противоположных направлений.

Это - качественно новое явление не только в армянской прозе, но и вообще на путях развития языка армянской литературы, которое в значительной мере повлияло на дальнейшее развитие языка армянской прозы.

х х х

Чаренцем и Бакунцем завершается целая эпоха развития языка армянской литературы и, по-видимому, исчезает также одна из ее главных особенностей, зародившаяся еще в ХУП веке - два пути или направления развития языка. После Чаренца и Бакунца уже не чувствовалась с прежней остротой противоположность этих направлений, а в дальнейшем - и само их наличие.

После этих двух крупных представителей поэзии и прозы в развитии языка армянской литературы появляются новые особенности, исследование которых необходимо провести иными методами.

По диссертационной теме опубликованы следующие труды автора (на армянском языке):

1. У истоков поэзии на новоармянском языке. - "Вестник Ереванского университета", 1971, № 1.
 2. Характеристика языка произведений Нагаша Овнатана. - "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР, 1972, № 1.
 3. Пути развития языка новой армянской поэзии. - "Советакан граканутюн", 1971, № 6.
 4. Армянская старопечатная книга. - Общество "Знание" Арм.ССР, 1968.
 5. Туманян о языке армянской художественной литературы. - "Вестник Ереванского университета", 1969, № 2.
 6. Туманян и Терян. - В сборнике "Туманян. Исследования и публикации" АН Арм.ССР, 1969.
 7. По поводу вопроса "Туманян-Терян". - "Историко-филологический журнал", 1971, № 2.
 8. "Грезы сумерек" В.Теряна с точки зрения языка. - "Вестник общественных наук" АН Арм.ССР, 1971, № 1.
 9. Терян и вопросы языка армянской литературы. - "Вестник Ереванского университета", 1970, № 2.
 10. Языковое искусство Бакунца (монография, 15 п.л.), Ереванский гос.ун-т, 1965. (Рецензии: "Советакан Айастан", 1966, № 179; "Ерекоян Ереван", 1966, № 4; "Гракан терт", 1965, № 52; "Зангезур", 1965, № 138; "Армянский язык и литература в школе", 1966, № 3; "Банвор", 1966, № 59).
- II. Размышления об армянском языке. - "Советакан Айастан" (журн), 1965, № 4.

Кроме указанных публикаций, отдельные вопросы по основной теме диссертации автором затронуты в ряде других журнальных и газетных статей и рецензий. Так, например, характеристика раннего единого ашхарабара дана в нескольких статьях, главным образом в работе "Воскановская типография и изданная в ней Библия" ("Эчмиадзин", 1966, № II-12); краткое содержание доклада диссертанта "Единый ашхарабар ХУП века" опубликовано в "Вестнике Ереванского университета" (1972, № 1). Вопросу разветвления ашхарабара и его последствиям посвящена обширная статья "Один литературный язык двумя ветвями" (Айреники дзайн",

1969, № 3, 4). Ряд других статей посвящен воззрениям О.Туманяна и В.Теряна на язык ("Гракан терт", 1969, № 30; 1970, № 34; 1971, № 6 и др.). В двух статьях изложены взгляды автора на некоторые вопросы эстетики слова ("Гракан терт", 1964, № 46; 1965, № 8). Краткое содержание доклада диссертанта "Путь развития языка Чаренца", прочитанного на Чаренцевских чтениях в 1972г., опубликовано в "Вестнике Ереванского университета" (1972, № 2).

1

ВФ 08579

Заказ 752

Тираж 150

Сдано в производство 25/X 1972 г., Подписано к печати

23/X 1972 г. печ. 3,75 л., бумага № 60 × 90^{1/16}

Эчмиадзинская типография Изд. АН Арм. ССР